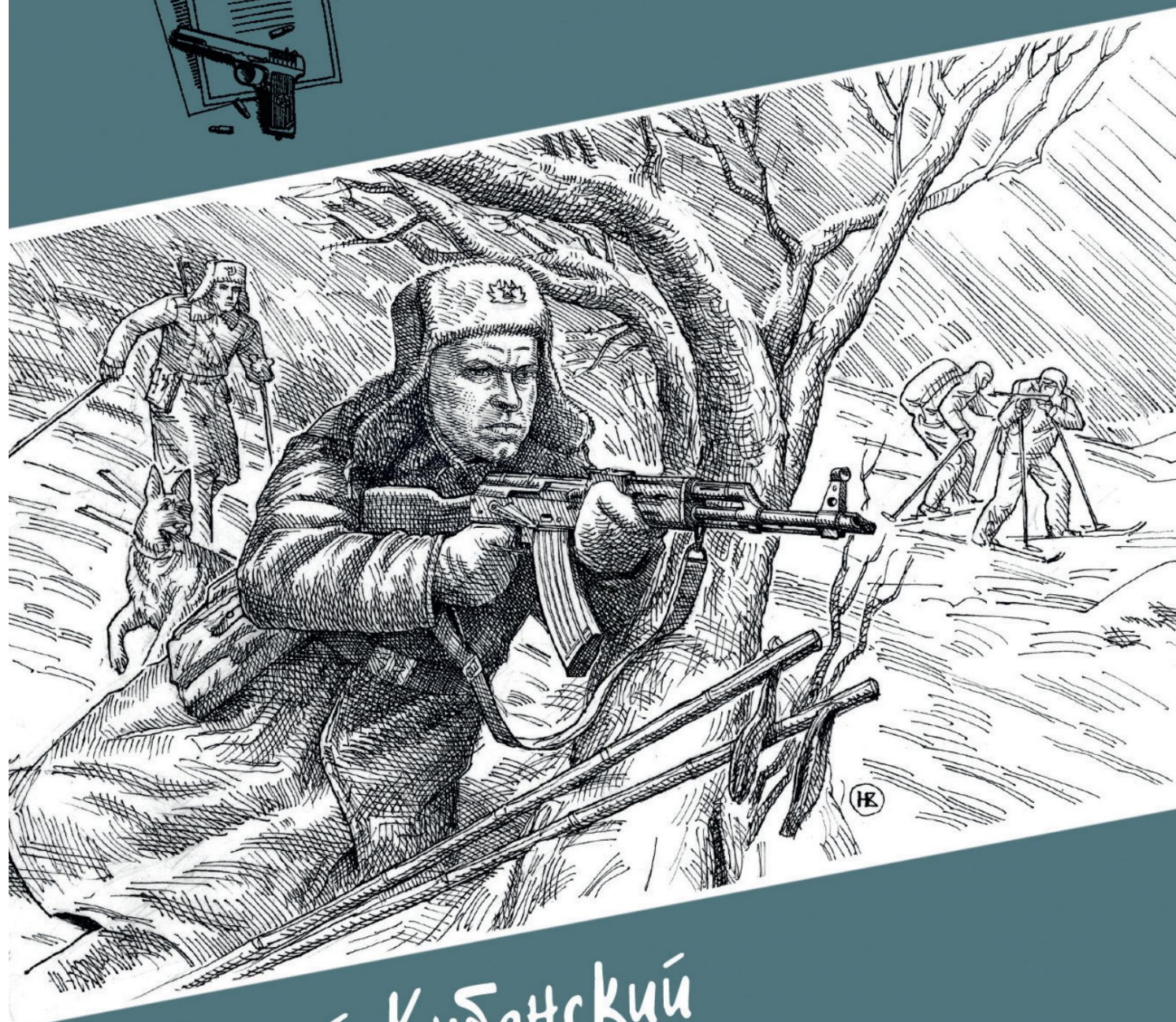

Георгий Кубантский

ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

Шпионы. Дело №...

Георгий Кубанский
Дороже жизни

«ВЕЧЕ»

1956-1967

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Кубанский Г. В.

Дороже жизни / Г. В. Кубанский — «ВЕЧЕ»,
1956-1967 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-6096-8

В очередной выпуск серии «Шпионы. Дело №...» вошли произведения советского писателя Георгия Кубанского (1907–1976) – автора, который умело соединял приключенческую динамику с острой шпионской интригой. Открывает его повесть «Гринька – “Красный мститель”» (1956): беспризорник Гринька, «большевик-одиночка», оказывается в вихре Гражданской войны, где ловкость и смекалка становятся оружием не хуже революционного маузера. В повести «Тайна реки Семужьей» (1958) из глухого северного посёлка исчезает школьник Васька Калабухов, и поиски, которые начинают трое друзей-комсомольцев, постепенно выводят героев к опасной тайне, где за случайностями угадывается недобрая чужая воля, а на кону – безопасность наших северных земель. В рассказе «Дороже жизни» (1964) пограничники вступают в схватку с диверсантом – и это поединок не только с вооружённым врагом, но и с безжалостной северной стихией. Заключительная повесть «Опасный свидетель» (1967) – шпионская интрига в морском антураже: ночная вахта на траулере оборачивается катастрофой, а спасение на иностранном судне становится началом игры, где советскому моряку придётся сделать выбор и попытаться вырваться из расставленных ловушек.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-6096-8

© Кубанский Г. В., 1956-1967

© ВЕЧЕ, 1956-1967

Содержание

«С советником посольства кончено...»	8
Гринька – «Красный мститель»	12
Необычайное знакомство	12
Испорченное торжество	18
Из огня... Да в полымя	23
Друзья	26
Гринькина тайна	29
Решено	32
История Гриньки	35
Страшная весть	39
Прощанье	42
Провал	44
Встретились	49
В камере	52
Прощай, город!	58
Побег	60
Снова один	63
Шлюпка идет в плавни...	66
Тайна реки Семужьей	70
Глава первая	70
Глава вторая	73
Глава третья	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Георгий Кубанский Дороже жизни

Серия «Шпионы. Дело №...»

Текст печатается по изданиям:

Кубанский Г. Гринька – «Красный мститель» // Мир приключений. № 2. М.: Детгиз, 1956;

Кубанский Г. Тайна реки Семужьей. М.: Трудрезервиздат, 1958;

Кубанский Г. Дороже жизни // Приключения. М.: Молодая гвардия, 1964;

Кубанский Г. Опасный свидетель // Мир приключений. Альманах № 13. М.: Детская литература, 1967.

© Кубанский Г.В., наследники, 2026

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

«С советником посольства кончено...»

Говоря о советском шпионском романе, мы зачастую упускаем из вида, что его наработки: сюжетные повороты, образы героев, места действия – нашли своё воплощение в ряде пограничных, иногда в прямом смысле этого слова, вещах отечественных авторов. Полуофициальный, но от этого не менее эффективный запрет на книги шпионского жанра заставлял писателей «маскироваться», прятать «родимые пятна» под маской «приключенческой», «историко-революционной» литературы. Если разобраться, то авторы прибегали, по сути, к методам своих же отрицательных персонажей.

Георгий Владимирович Шинкар родился 6 сентября 1907 года в Баку, но его детство и юность прошли на юге России. Затем последовали годы учебы в Ленинграде, где Георгий достаточно быстро определился с профессией. Он начинает писать. Тогда же и появляется псевдоним – Кубанский, как память о юношеских годах. Нельзя сказать, что известность приходит к нему быстро. Его имя приобрело некоторый вес только во второй половине 1930-х годов. Так, в 1938 году в журнале «Вокруг света» выходят его рассказы «Ценою жизни», «Суд богов». Совместно с Матвеем Тевелёвым пишется пьеса «Отважный рейд» (1935). Уже перед самым началом войны в издательстве «Искусство» печатается пьеса «Алмаз. Сказка о мудром осле, премудром хане и глупом Наримане-Бабе» (1940). Но высшим достижением Кубанского того времени следует считать сценарий фильма «Мужество» (1939), поставленного Михаилом Калатозовым – будущим создателем великого фильма «Летят журавли». Показательно, что «Мужество» можно без всяких скидок отнести к классическим советским шпионским фильмам. В центре сюжета находится лётчик Алексей Томилин, фактура и характер которого отсылают зрителей к узнаваемому образу Валерия Чкалова. Алексей склонен к лихачеству и исполнению опасных воздушных трюков. В ходе полёта в пограничной полосе он сталкивается с бандой диверсантов, которые пытаются использовать самолёт Томилина. Есть в картине и вражеский агент, до поры удачно скрывающийся под маской безобидного обывателя. Как и положено положительному герою, Алексей выдерживает все испытания и с честью выходит из трудной ситуации. При всей своей наивности и некоторой заданности подобные фильмы готовили советского человека к будущим героическим и драматическим поворотам нашей истории.

На фронт Георгий Кубанский попал уже летом 1941 года в составе взвода писателей, приписанного к первому батальону 1-го полка дивизии народного ополчения Дзержинского района. Вспоминает Николай Новосёлов:

«Выглядит взвод довольно пёстро. Трудно представить себе коллектив людей, более несхожих по облику и характеру, по возрасту и жизненному опыту, по своим творческим привязанностям и вкусам. Маститые прозаики, чьи романы и повести выдержали по нескольку изданий, – и литераторы, ещё не выпустившие и первой книжки... Бурные в проявлениях своих чувств поэты – и степенные профессора-литературоведы».

Понятно, что почти в полном составе взвод сотрудничал с дивизионной газетой «За Советскую Родину». В сентябре Ленинградская армия народного ополчения расформировывается. Кубанский попадает в строевую часть. Отныне его военная судьба связана со службой в частях связи – нервной системе воюющей армии. Если кто-то подумает, что писателю повезло и он очутился в относительном тылу, то он ошибается. Скупые неловкие строки из наградного представления на лейтенанта Шинкаря (такой вариант фамилии в документе):

«Работал начальником взвода связи I батальона 27 августа 1943 г. в районе села Михайловка Котельвинского района Полтавской обл. во время боя был ранен к-р 3 стр. роты. Шинкар был послан руководить ротой. Роту непрерывно контратаковал противник и все же несмотря на превосходящие силы противника – рота под командованием Шинкаря все атаки врага отбила и удержала занимаемый ими рубеж.

В боях за гор. Проскуров учебный батальон 24 марта 1944 г. попал в тяжёлое положение. Немецкие танки зашли им в тыл. Шинкарёв выполняя приказ замкомдива – пробрался через боевые порядки немецких танков и сообщил нашим артподразделениям о месте нахождения танков врага. Наша артиллерия после этого своим огнём накрыла танки пр-ка, последние были вынуждены уйти в свою сторону и положение на участке уч. батальона было восстановлено».

Орден Красной Звезды был явно заслуженной наградой писателя. Вместе со своей 68-й гвардейской стрелковой дивизией командир телефонного взвода дошагал до границ Венгрии и Австрии. За годы войны он был три раза ранен. В начале 1946 года Кубанского демобилизуют. За этим последовало достаточно быстрое возвращение к нормальной писательской жизни – свидетельство того книги «Мои товарищи» (1947) и «Дорога в Пешт» (1948). Естественно, что посвящены они военному опыту Георгия Владимировича. Кубанский покидает Ленинград и переезжает в Москву. Но нельзя сказать, что он плотно осел в столице. «Охота к перемене мест» толкала его к постоянному поиску писательского материала. Он был явно не из тех людей, кто создаёт свои книги исключительно в кабинетной тиши. Кроме того, чувствовалось, что писатель колебался в выборе темы своего творчества. В 1950 году он выпускает небольшую книгу, посвящённую Герою Советского Союза снайперу Феодосию Смолячкову, погибшему на Ленинградском фронте в начале 1942 года. После этого Кубанский решил попробовать себя в детской литературе. Он пишет повесть о колхозном строительстве «Я ещё приеду» (1955). Нельзя сказать, что она особо выделялась на фоне типовых сочинений о привольной деревенской жизни того времени. Писатель решил сменить жанровый регистр.

В 1956 году выходит второй выпуск альманаха «Мир приключений». Пилотное издание, появившееся годом ранее, оказалось удачным, и было принято решение продолжить серию. И во втором выпуске читателя ждала повесть Кубанского «Гринька – “Красный мститель”». Формально она следовала традиции всем известных «Красных дьяволят» Павла Бляхина. Писатель ужал команду, сделав беспризорника Гриньку главным героем повести. Мы так и не узнаем его фамилию. Её отсутствие компенсируется правильными политическими взглядами Григория. Он является стихийным большевиком, о чём и с гордостью объявляет подпольщикам:

«– Большевик-одиночка, – твердо повторил Гринька.

– Вот это да! – развел руками Роман Петрович. – Сколько живу... Первый раз слышу о такой партии!

– Такой партии нету, – серьезно поправил его Гринька. – Просто я сам, один – большевик. Без партии. Потому и одиночка. А вот подрасту немного, запишусь в партию. Тогда уже стану настоящим большевиком.

– Рановато тебе в партию, – сказал Роман Петрович.

– В самый раз! – решительно отрезал Гринька. – Видал, какого я генералу рака испек?

– Видал.

– И думаешь, меня в большевики не примут?

– Нет.

– Почему?

– Маловат. Подрастешь немного – пойдешь в комсомол.

– Куда? – насторожился Гринька.

– В Коммунистический союз молодежи.

– Нет! – мотнул головой Гринька. – Я лучше в большевики.

– В большевики! – усмехнулся Роман Петрович. – Экой торопыга! А знаешь ты, к примеру, что такое классовая борьба?

Гринька неловко замялся.

– Вот! – продолжал Роман Петрович. – Какой же ты большевик, если даже не слышал о классовой борьбе».

Скрашивается подобная идеологическая заданность неплохим чувством юмора. Вот Гринька вспоминает о Поликарпе Потаповиче – мельничном стороже, который «усыновил» его после смерти родителей. С «принципиальностью» истинного сына малоросских земель тот реагирует на прихотливые изгибы политической обстановки:

«Поликарп Потапыч был большой политик и дипломат. Когда в станицу пришли красные, он всю ратовал за передел земли, ругая царя Николку и урядника Филимона Иовича. Красные продержались в станице недолго. Снова пришли кадеты. В тот же день Поликарп Потапыч уехал в город. Разыскал там хозяина мельницы. Обстоятельно доложив ему о делах на мельнице, о понесенных при красных убытках и припрятанном в потайном месте зерне, Поликарп Потапыч получил от хозяина в награду за преданность чучал муки, десять пудов мельничной пыли и вернулся в станицу уже горячим сторонником кадетов. И теперь на сходках он шумел тем громче, чем дальше отходили красные части от Кубани.

– К бисову батькови краснопузых голоштанцев с их комиссарами! Свит баламутят! Жить не дают! Робить не дают честным хлеборобам!»

Можно сказать, что Кубанский «разминался», искал своё место в приключенческой литературе. Следующая его книга совсем другого класса. Речь идёт о большой повести «Тайна реки Семужьей». В 1955 году писатель впервые побывал в Мурманске. Суровый северный край пришёлся по душе автору. Он приезжает сюда ещё много раз, выходит на рыболовецких судах на промысел, знакомится с полной опасностей и трудностей жизнью пограничников. Именно на этом материале: на стыке маринистики, приключенческого и шпионского романа, написаны лучшие вещи Георгия Кубанского. И всё началось именно с «Тайны реки Семужьей», которые увидела свет в 1958 году в издательстве «Трудрезервиздат». Именно в нём выходила популярнейшая серия «Фантастика. Приключения». Появление в ней книги Кубанского не прошло незамеченным. В 1962 году последовало её переиздание. Чем привлекла читателей повесть? В первую очередь очень правильно подобранным темпом повествования. Уже на первой странице мы узнаём, что в посёлке Пушозеро потерялся семиклассник Вася Калабухов. Есть вероятность, что он ушёл в тундру. Комсомольцы Наташа, Володя и Федя, приехавшие на север по партийному призыву, решают отправиться на поиски мальчика. По дороге к ним присоединяется одноклассник Калабухова – Петя Жужукин. Четвёрка мушкетеров медленно движется, постепенно отдаляясь от обжитых человеком мест. Первый сигнал тревоги прозвучал, когда ребята столкнулись с участковым Сазоновым, который неожиданно пересёкся с поисковой экспедицией:

«Сазонов был в поселке человеком заметным. За глаза его ласково называли Ваней. Но, встречаясь с ним, уважительно величали Иваном Захаровичем. Привлекало симпатии пушозерцев широкое открытое лицо человека, всегда готового помочь каждому, прямой, честный взгляд. Вызывала доверие и крепкая, по-армейски подтянутая фигура милиционера. Наташе почему-то особенно запомнилась спина Сазонова – широкая, чуть сутулая – и несколько отведенные в сторону локти, отчего казалось, будто он готовится прыгнуть».

Я не буду дальше раскрывать все секреты сюжета, скажу лишь, что читателей нашей серии ждут там и перестрелки, и погони, и таинственные пещеры (куда же без них), а также неожиданные разоблачения. Заканчивая разговор об этой книге, приведу мнение современного читателя, которое трудно оспорить:

«Ну и хотелось бы, чтобы большинству читателей все-таки было понятно, что настоящая дружба, взаимовыручка и даже комсомольский задор – это не требования какой-то мифической цензуры, а тогдашние реалии. Молодежь в то время именно так и воспитывали, и книги тут не расходились с действительностью, нравится это сейчас кому-то или нет».

В 1964 году Кубанский публикует рассказ «Дороже жизни». Крепко и атмосферно написанная история посвящается нашим пограничникам, вступившим в схватку с диверсантом.

Мастерски передается настроение, состояние человека перед лицом равнодушно-величественной природы:

«Трудно уловить, когда тусклая полярная ночь переходит в такой же тусклый рассвет. Медленно полыхает северное сияние, выделяя из предрассветной мглы припорошенные снегом вершины скал, расселины с пробивающимися из них мелкими корявыми березками. А поблекнет на небе светящаяся гигантская спираль, и тяжкая белесая муть окружит человека плотно, со всех сторон. И тогда Мохов и Левенец особенно ощущали свое одиночество в стылой пустыне, где на десятки километров нет иного жилья, кроме заставы; куда не заходит даже привычный к белому безмолвию пастух со своим стадом – даже неприхотливому северному оленю нечем поживиться на промерзшем камне».

Предстоит схватка не только с опасным, вооружённым врагом, но и с разбушевавшейся стихией. Столкновение воли и характеров, суровый северный пейзаж заставляют вспомнить лучшие вещи Джека Лондона. Рассказ Кубанского и на их фоне выглядит весьма достойно.

В выпуске «Мира приключений», изданном в 1967 году, мы снова встречаем имя писателя. Его повесть «Опасный свидетель» привлекает внимание оригинальным сочетанием шпионского сюжета с морским антуражем. Олег Рубцов – советский матрос, вышел на промысловый рейс в составе команды траулера «Воскресенск». Привычная для каждого ночная вахта оборачивается катастрофой:

«Время тянулось медленно. На высоком, открытом ветру полубаке было холоднее, чем на палубе. Олег достал сигареты. Укрываясь от порывистого ветра, зашел за брашпиль. Вспыхнула спичка и погасла. Скорчившись в заветерке, Олег прикурил и зажмурился, настолько яркое показалось в темноте огонек спички. А когда он выпрямился и открыл глаза, из клубящейся белесой мглы на полубак надвинулась темная масса. Это было невероятно, страшно так, что руки окостенели. Олег сломил короткое оцепенение. Уже понимая, что несчастье неотвратимо, вскинул к губам свисток. Тревожную трель оборвал удар. Железный грохот. Треск. Олега подбросило...»

Олегу повезло. Его подбирает португальское судно «Святой Себастьян». Вроде бы благополучное разрешение ситуации, но с этого история только начинается. Постепенно советский моряк понимает, что его втягивают в непонятную ему политическую игру. Перед ним выбор: ждать того, к чему его уготовила судьба, или попытаться самому найти выход из тяжелейшего положения...

Совсем скоро исполнится сто двадцать лет со дня рождения Георгия Владимировича Кубанского. Конечно, некоторые его книги так и остались скромными свидетелями ушедшей эпохи. Но лучшие из них учат вещам, не имеющим срока годности – верности, дружбе, служению Родине. Именно сегодня они перестают быть только словами и снова проходят суровую проверку уже нашими современниками...

М.В. Хлебников, канд. философских наук

Гринька – «Красный мститель» Повесть

Необычайное знакомство

Базарный день подходил к концу. Длинные ряды мажар¹ с отпряженными конями сильно поредели. Немного оставалось на них лоснящихся арбузов, душистых узорчатых дынь и помидоров. Редкие покупатели неторопливо бродили по затихающему привозу.

Опустевшая улица, по которой далеко – к самому взморью – тянулся привоз, стала широкой и бесконечно длинной. Ослепительно белели под августовским солнцем саманные хаты. Стремительный степной ветерок, словно обрадовавшись простору, стлался низко, по самой земле, сметая пыль и соломинки под колеса мажар и к дощатым заборам. А то вдруг высоко взмахнет он густой пыльной завесой и бросит ее наземь, разобьет на маленькие, бойко вертящиеся вихорьки.

А сам помчится дальше, погонит по широкой улице пыльные волны.

Все больше мажар оставалось на попечении мальчишек. Гордо восседали казачата на солнцепеке. В черных бешметах, туго перехваченных узкими сыромятными поясками с серебряным набором, в смушковых кубанках, надвинутых на самые брови, они грозно поглядывали на прохожих.

Жизнь базара перешла с привоза в торговые ряды. Там станичники шли густой толпой. Отцы семей – важные бородатые казаки – спешили в хозяйственные и кожевенные лавки. Женщины постарше заполнили мануфактурный ряд. Молодые шумно толпились возле галантерейных лотков. Свисавшие с навесов разноцветные ленты, кружева и горящие на солнце мониста привлекали девчат, хотя на любой из них было столько бус, что с каждым ее шагом слышалось тяжелое, густое бряканье.

Галантерейный ряд растянулся почти по всему базару. Последние лотки его стояли у переезда через полотно железной дороги. Дальше уже шли добротные сколоченные будки кожевников.

На переезде, у черно-белого полосатого шлагбаума, сидел на столбике чумазый оборванный мальчишка.

Не успел Роман Петрович поравняться со шлагбаумом, как беспризорник соскочил со столбика и окликнул его:

– Дяденька!

Роман Петрович откинул полу рабочего фартука и сунул руку в карман за кошельком.

– Не надо мне денег, – остановил его мальчишка. – Отойдем в сторону. Дело есть.

Роман Петрович присмотрелся к пареньку. Лицо его было в копоти и лоснилось, запыленные космы жестко торчали во все стороны из-под большой фуражки, вылинявшей, без козырька, с четким следом ополченческого креста. Быть может, поэтому влажный, яркий рот мальчугана и серые чистые глаза казались чужими на его чумазом лице.

– Дело? – переспросил Роман Петрович. – Какое же у тебя ко мне дело?

– Пойдем! – шепнул мальчуган и показал глазами в сторону. – Потолкуем.

– Пойдем...

¹ Мажара – пароконная повозка на Кубани.

Они свернули с переезда на железнодорожную насыпь, поросшую иссохшей, жесткой травой. Мальчуган остановился. Внимательно осмотрел он фартук Романа Петровича и спросил:

– Ты, дядь, рабочий?

– Рабочий.

Паренек еще раз взглянул на фартук, испещренный разноцветными пятнами:

– Маляр?

– А ты что, – усмехнулся Роман Петрович, – собрался собственный дом красить?

Мальчишка не смутился. Все так же деловито огляделся он по сторонам. Поблизости никого не было.

– Скажи... – Он придвинулся к Роману Петровичу почти вплотную и дрогнувшим голосом спросил: – Скажи, где теперь большевики?

Роман Петрович опешил. Если бы оборвыш действительно сказал, что ему требуется выкрасить собственный дом, то он, пожалуй, удивил бы его не больше, чем вопросом о большевиках.

– Зачем они тебе? – спросил Роман Петрович, стараясь выиграть время и обдумать, как держать себя.

Паренек понял, что собеседник его уклоняется от ответа.

– Ты, дядь, не бойся меня, – быстро зашептал он. – Не бойся. Я парень хороший. Свой парень! – И он стукнул себя в оголенную загорелую грудь грязным кулаком.

Услышав, что бояться нечего, Роман Петрович чуть не засмеялся. Ростом мальчишка был ему немного выше пояса. В дыры серых обтрепанных брюк проглядывало смуглое тело. Рванный офицерский френч с большими накладными карманами и наполовину подрезанными рукавами свисал до колен.

Роман Петрович сдержал себя, не засмеялся.

– Большевики, малец, далеко сейчас, – ответил он серьезно. – Где-то за Ростовом.

– Насчет Ростова любой знает, – махнул рукой мальчуган. – Ты мне про здешних скажи. Где они?

– Про здешних? – переспросил Роман Петрович. Настойчивость оборванца уже не нравилась ему. – Ничего, малец, не могу тебе сказать. Я даже не слышал, есть ли в городе большевики.

– Ты не слышал, зато я... – Беспризорник оборвал фразу и выжидающе посматривал на собеседника.

– Слышал, что ли?

– Слышал.

– Где?

– В Общественном собрании.

– Ты? – Роман Петрович осмотрел собеседника от босых, почти черных ног до громадной измятой фуражки. – В Общественном собрании?

– Я! – гордо ответил мальчуган. – Сиж и слушаю, как там беляки разговаривают.

– Где ж ты сидел там? – не выдержал Роман Петрович.

– А на заборе. В аккурат против балкона. Беляки курили, а я слушаю... Один говорит: «Теперь здешним большевикам крышка». А другой отвечает: «Генерал Тугаевский не зря приехал сюда. Он еще себя покажет!» А потом как пошли чесать языками! Я такое узнал! – Он зорко взглянул на собеседника, проверяя, какое впечатление произвели его слова. – А потом ихний хор пел. Я этому хору такого рака печеного приготовил! Всю ночь думал. Такое придумал!

– Что же ты придумал такое? – спросил Роман Петрович с самым безразличным видом, хотя, услышав о генерале Тугаевском, он насторожился: мало ли что мог услышать бойкий

беспризорный мальчишка. С утра до ночи бегающий по городу паренек заметил, что собеседник заинтересовался его рассказом, и плутовато подмигнул ему:

– Интересно?

– Расскажи.

– А ты прежде скажи: где теперь большевики? – Мальчуган вдруг сорвался с деловитого тона и как-то очень по-ребячьи произнес: – Я их, дядь, который день ищу.

– Как же ты ищешь?

– А так. Увижу, идет по улице рабочий посерьезнее – я к нему: «Скажи, где тут большевики?» Ну, как и тебе говорю.

– И что же они?

Мальчуган вздохнул:

– Ни черт-ма толку! Кто смеется, а кто и серчает, прочь гонит. А один нашелся чудило, говорит: «Большевики сейчас в подполье». Обдурить захотел.

– Почему же обдурить? – остановил Роман Петрович нахмурившегося паренька. – Если в городе и остались большевики, так только в подполье.

– В подполье? – вспыхнул мальчуган. – Да я сам который уж день в подпольях да сараях ночую, – никого там нету. Одни крысы!

Он круто повернулся, соскочил на откос насыпи и на широко расставленных ногах съехал по сухой, скользкой траве вниз.

Роман Петрович окликнул его, но тот даже не обернулся, юркнул в проход между будками, стоявшими тыльной стороной к полотну железной дороги.

Просьба мальчонки удивила Романа Петровича и встревожила. В городе, где прочно обосновались деникинцы, за одно лишь знакомство с человеком, состоявшим в партии большевиков, можно было сесть за тюремную решетку. И вдруг... бездомный паренек останавливает прохожего в людном месте и спрашивает, как ему разыскать большевиков!

Размышляя об этом, Роман Петрович все еще смотрел в сторону будок, за которыми скрылся оборвыш. Кто он и почему ищет большевиков? Не зря же парнишка завел такой разговор!

Скользя по иссохшей траве, Роман Петрович спустился с крутой насыпи и пошел по кожевенному ряду.

Он бродил между будками, увешанными ботинками, туфлями и громадными рыбацкими сапогами. Останавливался у прилавков, на которых были разложены подошвы, стельки, хром, юфта.

Внимание его привлекла кучка людей. Роман Петрович подошел к ним и увидел, что они обступили его недавнего собеседника.

Мальчуган поднял руки над головой и, звучно щелкая зажатými в пальцах гладкими бараньими ребрышками, собирал публику. Потом он опустил руки, деловито осмотрел обступивших его людей и звонко прокричал:

– Граждане дорогие! Дяденьки и тетеньки! Братишки и сестрицы! Не жалости жду я вашей, а уважения к моему таланту и голому сиротству. С малолетства остался я без отца; без матери, сиротою безродным и никому не нужным. Не знаю я ни материнской ласки, ни отцовского уважения. И пропасть бы мне в пучине жизненной, если б не открылся во мне счастье-талант бесценный. И теперь только он, талант мой, кормит меня и поит, одевает и обувает...

Многие слушатели улыбались, глядя на худую, тонкую шею и рванный френч певца. Видно было, что «талант» кормил и одевал его обладателя очень неважно.

Не обращая внимания на улыбки и шутки, оборванец кашлянул в кулак и запел, ловко прицеливая костяшками о колено:

Котенок Васька —
Зелены глазки,
Любил на теплой печке спать.
Его поймали,
Винтовку дали,
На фронт послали воевать.
Усы обрили
И глаз подбили.
Теперь не Васька он — солдат...

Хлеборобы и солдаты, торговцы-разносчики и ремесленники внимательно вслушивались в слова наивной и злой песенки. Она высмеивала порядки, при которых даже безобидного серого котенка Ваську заставили воевать неизвестно за что. Кое-кто из слушателей испробовал на себе унтерские кулаки и понимал, о чем идет речь в песенке.

Беспризорник закончил песенку. Широким жестом он сорвал с головы фуражку:

— Граждане! Кто сколько не пожалеет!

В измятую фуражку посыпались монеты.

— Тоже работа! — обернулся к Роману Петровичу немолодой солдат с темным лицом, изрытым глубокими, редкими оспинами. — Кормится!..

— А ну подходи, подходи! — закричал уличный «артист», доставая из-за пазухи листки, исписанные тусклым химическим карандашом. — Кому слова новой песни «Котенок серый»? Бери, хватай!

Торговля шла бойко. Роман Петрович тоже взял грязноватый листок, исписанный неровным почерком.

Уличный певец поднял вверх пустые руки, показывая, что песен у него больше нет. Слушатели уже собрались расходиться, когда в его руках как-то особенно звучно щелкнули костяшки.

Оборвыш наморщил острый, чуть облупившийся носик. Часто и коротко оглядываясь по сторонам, он запел дерзкую, озорную песенку:

Эй вы, буржуи! Отдайте-ка миллионы,
Теперь наше право и наши законы,
Эй вы, буржуи! Намажьте салом пятки.
Пока еще не поздно — тикайте без оглядки.

Пожилой фельдфебель, грузный, с багровым, одутловатым лицом и пышными, старательно расчесанными усами, решительно расталкивал слушателей, пробиваясь к уличному певцу.

Роман Петрович быстро шагнул в сторону и загородил ему путь.

Но мальчишка был зорек. Не успел фельдфебель отодвинуть плечом Романа Петровича, как мальчонка оборвал песенку и скрылся в узком простенке между будками.

Фельдфебель бросился за ним, но будки стояли тут тесно, и он застрял в узком простенке.

Старый служака не успокоился. Придерживая рукой шашку, он припустил бегом вокруг будок.

Фельдфебелю не повезло: на повороте он грузно, всем телом налетел на выходившего из-за будки седого есаула. От толчка дородного фельдфебеля офицер еле устоял на ногах.

— С ума спятил! — крикнул он. — Пьяная м-морда!

— Фулигана ловлю! — впопыхах ответил фельдфебель.

Он хотел было вновь пуститься в погоню, но есаул понял движение фельдфебеля как попытку сбежать от него. А тут еще заметил улыбающиеся лица окружающих и пришел в ярость.

– Стой! – крикнул он.

– Разрешите, вашбродь? – шагнул к нему фельдфебель.

– Как стоишь? – процедил сквозь зубы есаул. – Кто тебе разрешил разговаривать? Два наряда!

– Осмелюсь, вашбродь...

– Не раз-ре-шаю раз-го-ва-ри-вать! – Шея есаула стала пунцовой. – Три наряда!

Лицо фельдфебеля от гнева и стыда налилось кровью:

– Господин есаул!..

– М-молчать! – оборвал его есаул и топнул ногой, обутой в мягкую козловую ноговицу. – Пять суток ареста! Смирно! Кругом! – Фельдфебель четко повернулся, щелкнул каблуками. А в спину его ударила злая, издевательская команда: – На гарнизонную гауптвахту шаго-ом... арш!

Фельдфебель гулко топнул огромным сапогом и двинулся четким шагом старого строевика. На лбу и подбородке у него нависли крупные капли пота. Они скользили по лицу и падали на грубое сукно гимнастерки, украшенной георгиевскими крестами на черно-оранжевых полосатых бантах.

Есаул проводил его злым взглядом и пошел своей дорогой.

Роман Петрович посмотрел вслед офицеру и зашел в простенок между будками. Там стоял рябой солдат в мешковатом английском мундире. За ним виднелся молодой рыбак в грубой холщовой блузе. Оба они недоверчиво покосились на Романа Петровича.

– Что ж, – сказал Роман Петрович, – почитаем новую песенку? – И показал им листок.

Вместо ответа рыбак вытащил из-за пазухи большой костистый кулак и раскрыл его. На мозолистой, в смоляных пятнах ладони лежал такой же, как и у Романа Петровича, смятый листок. На одной стороне его была записана песня, а на другой большими буквами выведено:

ТОВАРИЩИ!

Не верьте буржуйам недобитым. Продают они Россию, губят народ ни за что. Осиротят они вас и деток ваших, как осиротили и меня. Отца моего забрали белые в солдаты. Только он понял ихнюю злую душу и убежал до красных. За отца белые забрали мою мать. Пятый месяц живу я на улице, ночью где ни попало, таницю, как говорится, за печенку и жду не дожуду, когда наступит крышка распроклятым белым генералам.

Красный мститель

Прочитав это не очень-то грамотное обращение, Роман Петрович задумался. Перед его глазами все еще стояло лобастое, живое лицо паренька с выцветшими тонкими бровями и чуть выдающимся вперед задиристым подбородком.

Роман Петрович решил разыскать уличного певца. Он обошел базар. Заглянул на пристань. Постоял возле обгорелого дома полицейского участка, где ночевали бездомные ребята...

Поиски были неудачны.

Роман Петрович чувствовал себя несколько виноватым. Разве нельзя было осторожнее расспросить мальчонку, кто он и зачем ему большевики? Да кто знает этих мальчишек! Как с ними разговаривать!

Дома Роман Петрович поделился своими огорчениями с хозяйкой квартиры Анастасией Григорьевной. Она долго расспрашивала о мальчишке, и ее темное лицо в прямых, резких морщинах выглядело строго, осуждающе. И это еще больше усиливало у Романа Петровича смутное ощущение своей вины.

Соборный колокол пробил полночь, когда Роман Петрович лег в постель. Он все еще видел наморщенный, облупившийся носик, слышал звонкий, с легкой хрипотцой голос уличного певца:

Эй вы, буржуи! Намажьте салом пятки.

Пока еще не поздно – тикайте без оглядки.

И никак не удавалось отделаться от мыслей: «Что это за мальчонка? Недолго побегаёт он на воле со своими песенками».

Долго еще ворочался Роман Петрович. Он сердился на себя, и на скрипучую кровать, и на писк под половицами, и на нестерпимо яркий луч луны, прорезавший комнату наискосок – от окна до кровати. Надо было заснуть, чтобы утром встать со свежей головой. Завтра предстояло серьезное испытание.

Третий день уже местная газетка «Рупор Отечества» оповещала город о торжественной встрече представителей «Добровольческой армии и народа». Встречу эту устраивал доверенный человек самого Антона Ивановича Деникина – генерал Тугаевский.

Было это в дни, когда Деникин собирал силы для решительного наступления на Москву. По поручению Деникина генерал Тугаевский объезжал Северный Кавказ, вербуя казаков в Добровольческую армию. Делать это было нелегко. Трудовое казачество Кубани уже начало роптать. «Хватит нас гонять да натравливать, как цепных псов! – говорили казаки. – С турками дрались, с японцами, немцами. Теперь, изволь-ка, со своими дерись, с русскими! А хозяйства наши порушились за войну. Семьи от рук отбились. Господам да офицерам большевики не нравятся? Так нехай же они сами и разбираются с ними. А нам до их споров дела нема». От разговоров казаки переходили к делу. Уже были случаи, когда они самовольно бросали фронт. В одиночку, а то и группами они оставляли свои части и верхами, с оружием тянулись за сотни верст в родные станицы.

Вот почему Тугаевский ездил из станицы в станицу, собирал казаков и уговаривал их «постоять за единую, неделимую Россию». На днях ему удалось убедить ближайшие станицы помочь Деникину. Старики обещали ему выставить на фронт несколько сотен казаков с конями и оружием. Но этого было мало. Деникин спешил с наступлением на Москву. Подгоняли снабжавшие его оружием и обмундированием англичане и американцы. Да и на Кубани все громче звучали голоса недовольных Деникиным и офицерством. Приходилось не только собирать силы для фронта, но и успокаивать тыл. Это и было поручено Тугаевскому.

Но объездить все станицы в короткий срок было невозможно. Тугаевский осел в городе и стал готовить торжественную встречу «представителей армии и народа». По станицам разъезжали его люди, подбирая подходящих «народных представителей». Из типографии (большевики имели там своих людей) сообщили партийному комитету, что уже отпечатано обращение «народных делегатов» ко всему населению Северного Кавказа с призывом поддерживать Деникина как единственного «законного правителя и главу Вооруженных сил Юга России».

У партийного комитета были связи с рабочими, интеллигенцией. Не хватало одного: опыта подпольной работы. Почти все коммунисты были новички, пришедшие в партию за последние полгода. Приходилось учиться опасному и сложному искусству подпольной борьбы в очень тяжелых условиях, зная, что за каждую ошибку придется платить очень дорогой ценой – ценой жизни смелых, самоотверженных людей, для которых счастье народа было дороже всего.

Испорченное торжество

На следующий день Роману Петровичу было не до уличного певца. После работы надо было спешно подготовиться к торжеству: тщательно отмыть руки от краски, побриться, одеться во все лучшее. Потом пришлось сходить в типографию, где надежные люди отпечатали тайком десяток лишних пригласительных билетов для подпольщиков.

К назначенному времени Роман Петрович вошел в Общественное собрание – лучшее здание города. Широкой лестницей, устланной ковровой дорожкой, поднялся он в ярко освещенное, людное фойе.

Больше всего было тут стариков-станичников в серых и коричневых черкесках домашнего сукна, надетых на сатиновые бешметы, обшитые по вороту золотым шнурком. Бородачи-казаки сидели в обитых плюшем креслах, выставя напоказ старинные серебряные с черненными узорами кинжалы, медали и кресты, полученные во все войны России за последние полвека. Стараясь не выдавать своего удивления, они украдкой рассматривали играющие разноцветными огоньками хрустальные люстры, стены, расписанные масляными красками, лепной потолок. Почти все они с оружием в руках побывали за границей, видели снежные горы Турции и поросшие розами долины Болгарии, дрались с японцами в Маньчжурии... Но здесь, в Общественном собрании, бывали очень немногие – станичные атаманы да богачи. И теперь рядовые казаки поспешили первыми явиться на званный вечер, чтобы занять местечко получше и не пропустить чего интересного.

Иногородние встречались в толпе значительно реже. Их отбирали очень осторожно, зная, что они почти поголовно сочувствуют большевикам. Держались иногородние в стороне, будто забрели они сюда случайно и все происходящее здесь их нисколько не интересует.

Резко выделялись худощавые, жилистые горцы. Один из них, в белой с золотом черкеске, носил погоны полковника и на рукаве эмблему «Дикой дивизии» – череп со скрещенными берцовыми костями. Горящими глазами разглядывали казаки его старинную шашку, богато украшенную ярко-голубой бирюзой. Вооруженные спутники знатного горца были одеты гораздо скромнее. Это были нукеры – слуги.

В пестрой толпе приглашенных совершенно затерялись несколько рыбаков и рабочих, завербованных в «делегаты» их хозяевами. Они забились в укромные уголки, чтобы при первой возможности показаться на глаза хозяевам, а затем незаметно улизнуть домой.

По людному фойе стремительно проносились молодцеватые распорядители вечера. Одеты они были в строгие черные костюмы с трехцветной повязкой на рукаве. По четким поворотам нетрудно было узнать офицеров.

В фойе уже стало тесно, а приглашенные все прибывали.

Но вот один из распорядителей вышел на легкий полукруглый балкончик и поднял руку: – Господа! – Он выждал, пока затих говор внизу. – Пра-а-шу в зал!

Распахнулись высокие двустворчатые двери. Медленно рассаживались «делегаты», оглядывая необычное убранство зала. Стены его украшены трехцветными царскими флагами. Над сценой распростерся громадный золотой орел. На огромной карте Юга России широкая трехцветная лента показывала расположение деникинских войск на фронте. Ложа у сцены и балкон, нависший огромной подковой над партером, были задрапированы коврами и гирляндами живых цветов. Все было ярко, празднично, торжественно.

В ложе у самой сцены поместился генерал Тугаевский со своим адъютантом и почетными гостями: горцем в белой черкеске, несколькими богатыми казаками и местными градоправителями.

Роману Петровичу удалось пробраться на балкон. Отсюда можно было наблюдать за всем, что происходило в зале и на сцене. Пока он осматривался, стараясь разыскать своих товарищей, люстры погасли. Публика притихла.

Малиновый плюшевый занавес чуть колыхнулся и выпустил на авансцену инспектора гимназии. Это был сухонький серенький человечек с узкой, негнувшейся спиной и водянистыми, бесцветными глазами. Гимназисты метко прозвали его «Оловянным солдатиком».

«Оловянный солдатик» остановился перед рампой, с опаской посмотрел себе под ноги, на частую цепочку электролампочек, потом выпрямился и обратился к собравшимся с длинной и скучной речью.

Он говорил громко, ровно и скрипуче, как на уроке. Казалось, вот-вот он обратится к застывшему в показном внимании генералу Тугаевскому и скажет: «Пожалуйста к доске! Посмотрим... много ли вы знаете».

Слова его, громкие и пустые, прославляли «доблестную Добровольческую армию», а лицо оставалось таким же, как и на уроках, внимательным и настороженным, будто он не говорил, а подслушивал кого-то.

В публике нетерпеливо покашливали. Внимательно слушали лишь в ложе Тугаевского да несколько горцев, сидевших в первом ряду. Они плохо понимали по-русски, а потому им было все равно, что слушать. Каждое знакомое слово оратора горцы радостно повторяли вслух и тут же громко объясняли его товарищам.

«Оловянный солдатик» закончил речь поздравлением командованию «Добровольческой армии», «сумевшей поднять на ратный подвиг все население Северного Кавказа», и низко поклонился. Зрители увидели круглую глянцевою лысину, спереди старательно прикрытую прядкой серых волос. Медленно пятясь и продолжая раскланиваться, он как-то незаметно пропал за занавесом.

Не успела еще успокоиться легкая рябь на тяжелом плюше, как на смену «Оловянному солдатiku» вышел конферансье – подпоручик Курнаков.

Публика встретила его легким одобрительным гулом.

Курнакова знали не только в городе, но и в окрестных станицах как весельчака и балагура. Скажет, бывало, Курнаков что-нибудь – умное или глупое, не важно, – и все рассмеются. За это его даже исключили из гимназии, так как Курнаков, отвечая урок, постоянно вызывал хохот всего класса и мучительную гримасу на лице учителя.

Выбор конферансье был на редкость удачен. Стоило только посмотреть на его круглую, беспечно улыбающуюся физиономию, как сразу же становилось смешно. У Курнакова было широкое, в мелких морщинках лицо, маленький, приплюснутый носик, круглые черные глазки и огромный рот с тонкими, бледными губами. Он был похож на мопса. Казалось, что он вот-вот высунет длинный, тонкий язык и облизнет им свою курносую морду. Едва он остановился у рампы, как зал довольно загудел.

Курнаков стоял улыбаясь, потом обратился к публике:

– Думаете, я петь буду?..

В зале засмеялись.

Конферансье, потирая руки, приподнял белесые брови, собираясь сообщить нечто очень интересное.

И вдруг густой бас с балкона испортил подготовленную Курнаковым минуту:

– Как заплатят, так споешь!

Сказано было не в бровь, а в глаз. В городе знали, что Курнаков постоянно нуждался в деньгах, должен встречному и поперечному. Но в публике даже не улыбнулись. Все ждали, чем ответит на такую дерзость признанный остряк.

Курнаков понимал это, а потому и не торопился с ответом. Он опустил руки и широко улыбнулся.

– Bravo, bravo, коллега! Хорошо сказано! Покажитесь нам. Выходите сюда.
Но «коллега», конечно, и не думал показываться.

Генерал Тугаевский приподнялся, всматриваясь в сторону балкона. Туда уже стягивались молодцеватые распорядители вечера.

Курнаков оглянулся на генерала, поймал еле заметное движение головой и сказал:

– Наш вечер мы откроем... – он щелкнул каблуками, стал в положение «смирно» и неожиданно строго объявил: – ...боевой песней партизанского отряда полковника Чернецова. Запевает наш общий знакомый – штабс-капитан Бейбулатов. За сценой сводный солдатский хор нашего гарнизона – сто сорок человек!

Капитан Бейбулатов вышел на сцену в черном костюме с белым галстуком и хризантемой в петлице. На сцене он коротко задержался, улыбнулся своим знакомым, кому-то отдельно кивнул головой. Его знали в городе как беспутного гуляку и ловкача, ухитрившегося всю мировую войну просидеть в воинском присутствии на какой-то канцелярской работе. Теперь он служил в контрразведке, чем еще больше поднял свою известность. Казаки окрестных станиц относились неприязненно к офицеру, избегавшему фронта. Горожане остерегались его и ненавидели, как жестокого и опасного человека.

За сценой тихо вступил солдатский хор:

Жур-жура-журавель,
Журавушка молодой...

Бейбулатов поднял сухое лицо с крючковатым, острым носом и круглыми черными глазами, что делало его похожим на хищную птицу, и запел тоненьким горловым тенорком:

Храбрейший из храбрецов —
Наш полковник Чернецов...

И тогда хор за сценой подхватил припев лихо, с присвистом и неистовым, разбойным гиканьем:

Жур-жура-журавель,
Журавушка молодой!

– Подпевайте, господа! – пригласил публику Курнаков.

Бейбулатов вздохнул, сделал шаг вперед. Только собрался он запеть, как неожиданно, откуда-то сверху, с потолка, его опередил звонкий и озорной мальчишеский голос:

Вот страшила, хулиган —
Бейбулатов капитан!

Бейбулатов так и застыл в нелепой позе: грудь выпячена, нога отставлена, рот полуоткрыт.

А хор за сценой, не разобрав ни слова из запевки, грянул так, что на сцене закачалось полотнище с грубо намалеванным лесом:

Жур-жура-журавель,
Журавушка молодой!

Вспыхнули люстры, заиграли разноцветными огоньками. Зрители подняли головы и замерли...

У самого потолка, расписанного масляной краской, в круглом вентиляционном оконце, окаймленном рисованным венком из роз, лежал мальчишка. Большая мятая фуражка съехала ему на глаза. Защитного цвета хламида открывала голую смуглую грудь.

На выручку к растерявшемуся запевале подоспел Курнаков. Еще не поняв толком, что случилось, он нес публике как верное успокоительное средство свою широкую улыбку рубахи-парня. Но едва Курнаков подошел к рампе, как сразу же потерял свою улыбку и отшатнулся назад, отброшенный раздавшейся сверху песенкой:

Вот дурак из дураков —
Подпоручик Курнаков!

А хор за сценой растерянн гудел, постепенно угасая:

Жур-жура-журавель...

Но мальчишке и не нужен был хор. Он, дирижируя себе обеими руками, прокричал:

Тугаевский генерал
Свою тетку обокрал!

В публике негромко засмеялись. Сотни глаз уставились на Тугаевского, ожидая, что же теперь будет.

Тугаевский побагровел от гнева и злости так, что нельзя было различить, где кончается его красный генеральский воротник и начинается шея. Никогда еще не был он так беспомощен перед сотнями глаз — улыбающихся, любопытных, сердитых. Даже горцы в первом ряду и те, ничего не понимая по-русски, довольно блестя мелкими белыми зубами. Они видели: в зале скандал. Это им нравилось.

— Эт-то что такое? — погрозил кулаком вверх один из распорядителей.

Мальчишка сорвал с головы измятую фуражку и, широко взмахнув ею, представился, как французский граф в кино:

— Гринька! Красный мститель!

В руках его мелькнули костяшки. Озорная песенка зазвенела под потолком, как боевой клич:

Эй вы, буржуи! Намажьте салом пятки.

Пока еще не поздно — тикайте без оглядки.

Гринька прощально взмахнул фуражкой и исчез в оконце. В зале поднялся шумный говор.

— Всыпать бы ему! — ворчали одни. — Да погорячее! Чтоб батьку и маты забув!

— Добре, хлопчик! — смеялись другие. — Удружил! В цирке такого не бачили!

Неожиданно в круглом оконце, где только что видели Гриньку, появилось усатое лицо. Блеснули погоны. Разговоры в зале оборвались. Лишь теперь все заметили, что распорядителей вечера в зале осталось очень мало. Генерал сидел ровно, положив перед собой большие белые руки, резко выделявшиеся на малиновом плюше ложи.

Свет погас. На сцену вышел Курнаков. Искусственно улыбаясь, он потирал руки, выжидая, пока спадет возбуждение зрителей.

Роман Петрович осмотрелся. Поблизости никого из распорядителей вечера не было.

«Время! – решил он. – Лучшего момента не будет», – и опустил через барьер руки с зажатыми в них пачками листовок.

Никто не смотрел на него. Все лица были обращены к гневному Тугаевскому и выжидающему Курнакову.

– Итак, продолжаем! – произнес Курнаков.

«Продолжим!» – подумал Роман Петрович и разжал пальцы.

Весело порхнули с балкона и рассыпались в воздухе листовки. Белой стайкой летали они над партером, опускались к удивленным людям...

Один листок, подхваченный сквознячком, мягко скользнул в воздухе над пораженными горцами и, вызывая покаяние, опустился на барьер генеральской ложи.

Тугаевский сидел неподвижно, словно окаменел. Он не мог собраться с мыслями, решить, как следует держаться, чем спасти вечер. «Какой позор! – думал он. – На вечере единения!.. Красный мститель! Листовки! Позор, позор!..» Немногие оставшиеся в зале распорядители метались в полумраке между рядами. Кого-то тащили к выходу...

Из огня... Да в полымя

Гринька был вовсе не так прост и беспечен, как казалось тем, кто видел его из зала. Беспечность его была напускной. На самом же деле он зорко следил за всем, что делалось внизу, видел, как побежали к выходам распорядители вечера, и, конечно, понял, куда они спешат. И все же он чуть было не опоздал. Гринька хорошо знал громадный чердак Общественного собрания, много раз ночевал здесь. Отсюда смотрел он репетиции солдатского хора, и здесь надумал он принять «участие» в предстоящем вечере. Знал он, что ход из дома на чердак заколочен, после того как беспризорные пробрались ночью в зал и ободрали плюш с нескольких кресел. И сейчас Гринька рассчитывал, что пока отобьют трехвершковые гвозди, которыми заколочен ход на чердак, он будет уже далеко от Общественного собрания.

Но получилось совсем не так. Враги его поднялись на чердак тем же путем, что и он сам, – по пожарной лестнице.

Тяжелые шаги загрохотали по железной крыше неожиданно. Мальчуган выбрался из оконца. Вытянув вперед руки, чтоб не наткнуться в темноте на столб, направился он к слуховому окну. Но там, на фоне звездного неба, появилась чья-то голова. Гринька круто повернул в другую сторону. Но и здесь перекликались преследователи.

В темноте чердак уже казался тесным, переполненным врагами. Чужие, злые голоса слышались со всех сторон.

Грохот шагов по крыше сливался на чердаке в непрерывный, сплошной гул.

– Здесь он! – крикнули, как показалось Гриньке, совсем рядом. – Здесь!

Сердце беглеца заколотилось часто и сильно. Неужели заметили? Нет. Уже в другом конце чердака кто-то зовет:

– Сюда, сюда!

Вспыхнул яркий глазок электрического фонарика. За ним еще. Бледные лучи скользнули по серым брускам, поддерживающим стропила, и расплылись в глубине чердака.

Спотыкаясь о плоские потолочные балки, Гринька спешил в тот конец чердака, где кончался скат крыши. Скоро руки его коснулись шершавой дощатой опалубки. Подгоняемый вражескими голосами, ползком подбирался он к хорошо знакомому углу. Руки глубоко уходили в мягкую, скопившуюся за десятилетия пыль. Густые, удушливые клубы поднимались от каждого движения рук, забивали нос, рот. Нестерпимо хотелось чихнуть; так хотелось, что Гринька до боли прижал подбородок к груди. Но и это не помогало. Какая-то непреодолимая сила щекотала в носу, приподнимала голову. Задышавшись от пыли, добрался Гринька до ската крыши. Ощупью нашел в углу отодранный от опалубки лист железа и облегченно вздохнул: «Здесь!» А фонариков на чердаке становилось все больше. Один из них скользнул к углу, куда забился мальчуган. Гринька сжался в комок и замер. Сердце колотилось так... даже больно стало. Однако белый луч растаял в пыли и не нашупал Гриньку.

Надо было спешить. Мальчуган приподнял оторванный с края ржавый лист и высунул голову в открывшееся отверстие. В лицо пахнуло свежим вечерним воздухом. Глубоко и часто дыша, Гринька всматривался вниз. Метрах в полутора под ним должна была быть не видная в темноте крыша двухэтажного дома, прижавшегося к Общественному собранию.

Ногами вперед выбрался Гринька в лаз. Он осторожно соскочил на нижнюю крышу, но не устоял на ногах и поехал вниз на животе. Пришлось покрепче прижать ладони к скользкой жести, чтобы затормозить и не свалиться с крыши.

С двухэтажного дома Гринька спустился по водосточной трубе и очутился в большом саду. Там он наткнулся на стоящий под водосточной трубой бочонок и радостно опустил в затхлую дождевую воду горящие ладони. По пути он набрал полную пазуху сочных груш и направился дальше.

Из сада в сад, легким стуком в забор проверяя, нет ли впереди спущенной на ночь собаки, перебрался Гринька на отдаленную улицу. Если не считать слегка саднящих ладоней, двух заноз и лопнувших еще в нескольких местах штанов, вечер прошел вполне благополучно.

Гринька с радостью представлял себе, что творилось в Общественном собрании и как белогвардейцы ловят «Красного мстителя» на пустом чердаке.

Он постоял на пустынной улице, потом запахнулся в просторный френч и зашагал на край города. Там на днях он присмотрел брошенную саманную хату – надо же иметь и запасное жилье! Две стены ее рухнули, прелая камышовая крыша свалилась на печь. Но в хате было подполье. Если натаскать туда камыша с крыши, очень неплохое получится жилье. Такого Гринька не имел за всю свою вольную жизнь.

* * *

Утром Гринька выбрался из подполья. Отряхнул налипшую на волосы соломенную труху и привычно направился в сторону базара. Едва он вышел на улицу, ведущую к привозу, как заметил у калитки одного дома кучку любопытных. Со двора слышался отчаянный хриплый рев.

На всякий случай Гринька перемахнул через ближайший забор и присел в густых кустах крыжовника. В саду было тихо, окна небольшого дома еще прикрыты зелеными решетчатыми ставнями. Старательно прячась за кустами, Гринька отыскал в заборе щелку пошире и стал наблюдать за происходящим на улице.

Плечистый казак с нависшим на глаза черным чубом волоком вытащил из калитки яростно отбивающегося, оборванного мальчишку. Беспризорник ревел, старался извернуться так, чтобы достать зубами крепкую волосатую руку казака.

– Иди, иди! – прикрикнул казак и рывком поставил мальчонку на ноги. – Ишь, горластый! Сразу видать артиста!

Мальчишка хотел было лечь на спину, но казак приподнял его и так поддал ногой в зад, что тот замер с раскрытым ртом и пошел, безвольно переставляя дрожащие, негнувшиеся ноги.

Гринька лег на редкую росистую травку. Слова казака «видать артиста» напомнили вчерашний вечер, гневного генерала, погоню на чердаке...

«Не меня ли поминал казак? – подумал он. – Мне-то попадать белякам совсем не с руки».

За спиной скрипнула калитка. Женщина в просторной домашней кофте, зевая, прошла в сад, приоткрыла один ставень. Так же не спеша, мягко ступая по земле босыми полными ногами, она вернулась в дом.

Дела оборачивались неважно. На улице творилось что-то неладное. В доме проснулись...

Отвлекло Гриньку стройное пение на улице. По мостовой с песней шли юнкера. Шли четко – шаг в шаг. Мальчуган невольно засмотрелся на стройную колонну. В четкой поступи, в рядах блестящих штыков было что-то грозное.

Громкая команда оборвала песню. Юнкера с винтовками наперевес рассыпались по улице, окружая угловой горелый дом, где когда-то помещался полицейский участок.

Скоро из дома стали выводить оборванных и грязных беспризорных мальчишек. На улице их строили по два. Часть юнкеров окружила задержанных и повела в сторону тюрьмы. Оставшиеся юнкера построились. Запевала снова затянул песню. Остальные подхватили. Колонна двинулась к базару.

Гринька задумался. Уж если юнкера охотятся за беспризорными на улицах, идти на базар нечего и думать. К морю тоже... Там всегдалюдно. Спокойнее всего отсидеться в саду. А там видно будет.

Лежа в кустах, Гринька следил за улицей. Городок просыпался быстро. По кирпичным тротуарам спешили на базар хозяйки. Стоит им увидеть перелезающего через забор оборванца – поднимут такой крик!.. А залитая солнцем улица – не чердак, далеко не убежишь.

Лежать у забора скоро надоело. Хотелось есть. От скуки Гринька решил погадать. Если первый воробей, который сядет на дорогу, будет самец, надо удирать из сада, если самочка – лучше остаться здесь до темноты.

Первый воробей сел далеко и притом хвостиком к забору. Какая у него грудка – серая или черная, – разобрать издали не удалось. Гаданье не состоялось. Тогда Гринька загадал иначе. Если из-за угла первым выйдет мужчина, это хорошо, если женщина – плохо.

«Тут уже не запутаешься! – подумал он. – Сразу увижу».

И все-таки запутался. Из-за угла вышли двое – видимо, муж и жена.

«Ни хорошо, ни плохо! – решил Гринька. – Буду сидеть на месте».

Потом появился толстый гимназистик с удочкой. Опять было непонятно: можно ли считать малыша-гимназиста мужчиной?

Пока мальчуган решал, как быть, он заметил вдалеке пестрый от пятен рабочий халат Романа Петровича. Сразу вспомнил он разговор на железнодорожной насыпи и как Роман Петрович загородил его от фельдфебеля в кожанном ряду.

«Дядька хороший! – оживился Гринька. – Не продаст!»

Друзья

Роман Петрович услышал рядом голос. обернулся. Вблизи никого не было. И снова кто-то еле слышно окликнул его:

– Дядь! А дядь!

Лишь теперь Роман Петрович заметил широкую щель в заборе. Между досками проглядывали кончики тонких грязных пальцев. Он нагнулся, как бы поправляя шнурок ботинка, и увидел в щели знакомые серые глаза.

– Тебя ищут по всему городу, – шепнул Роман Петрович. – Забирают всех бездомных ребят, без разбора. Подряд.

– А мне хоть бы что! – ответил Гринька тоже шепотом, что совсем не подходило к его беззаботным словам. И уже менее задорно попросил: – Дай чего покушать...

– Сиди тут, – строго сказал Роман Петрович. – Я вернусь минут через десять и уведу тебя в надежное место.

– Вернешься! – недоверчиво протянул Гринька.

Разговаривать на улице, поправляя шнурок, было неудобно. Роман Петрович решил быть откровенным:

– Слушай меня, хлопчик. Вчера я был в Общественном собрании. Хорошо ты им пропел. Лучше, чем тогда, на базаре. Зато сейчас тебя ищут по всему городу. Понял? А теперь – сиди тихо и жди меня.

Роман Петрович присмотрелся к забору, приметил на улице акацию с отпиленным толстым суком и зашагал к товарищу, у которого был сынишка одних лет с Гринькой.

Спустя полчаса Роман Петрович вернулся и слегка постучал кулаком в знакомый забор.

– Тише! – зашептал за досками Гринька. – Тут тетка какая-то. Три раза в сад выходила. Белье вешала.

– Лови сверток, – так же шепотом ответил Роман Петрович. – Переоденешься и вылезай из сада.

Сверток с одеждой перелетел через забор. За досками еле слышно зашуршали кусты.

Роман Петрович прошелся по тротуару до угла. Прочитал на столбе старую афишу и объявление о пропавшей телке. Не спеша покурил. В полуденный зной улица опустела, а Гринька все не появлялся.

Пришлось Роману Петровичу вернуться к забору.

– Что ты возишься там? – строго спросил он.

– Никак не перелезть, – все так же шепотом пожаловался Гринька.

– Не перелезть? – удивился Роман Петрович. – Тебе?

– Никак! – повторил Гринька. – Одежда мешает.

– Какая одежда?

– Моя. Френч. Штаны...

– Бросай свой хлам. Лезь живее!

– «Бросай»! Ты потом свою одежду заберешь, а как же я ходить стану?

– Лезь быстро! Пока на улице никого нет!

Гринька ловко спрыгнул с забора на кирпичный тротуар. Одет он был в старенькие, но чистые бумажные брюки, в коричневую косоворотку и тупоносые башмаки свиной кожи. Правда, серые в черную полоску брюки были на нем широковаты, а башмаки с надорванными носками – велики, однако после рваного френча новый наряд Гриньки был бы вовсе шикарным, если бы не досадный промах Романа Петровича. Впопыхах он забыл захватить кепку. Давно немытые волосы Гриньки воинственно торчали во все стороны над грязным лицом.

– Ты, я вижу, год не мылся? – нахмурился Роман Петрович.

– Го-од! – обиделся Гринька. – Только три месяца!

Пришлось Роману Петровичу прикрыть волосы мальчугана своим картузом, а чумазую физиономию и шею он крепко, не жалея кожи, протер носовым платком.

– Хорош! – довольно подмигнул Гринька. – Хоть в артисты!

И они свернули в ближайший переулочек, поросший цепкой, ползучей травой. Здесь было безопаснее идти.

* * *

Дверь открыла им хозяйка дома, Анастасия Григорьевна, женщина лет шестидесяти, с темным, строгим лицом и седыми волосами, собранными позади в тугий узел. Тихая на вид старушка была очень полезным человеком в подпольной организации. Любое поручение она выполняла спокойно и бесстрашно. Кому могло прийти в голову, что в кошелке старушки, аккуратно повязанной черным кашемировым платком и в длинной муслиновой юбке, лежат большевистские газеты и листовки!

Анастасия Григорьевна или, как звали ее свои люди, «мамаша», встретила Гриньку как старого знакомого. Стоило ей взглянуть на лобастого мальчонку с зоркими, ясными глазами, и она сразу догадалась, кто это.

Желая доставить гостю удовольствие, она принялась рассказывать о том, что произошло вчера в Общественном собрании.

Гринька слушал и краснел от удовольствия. Говоря по совести, он и сам не ожидал, что так здорово получится. Шутка ли – насолил самому Тугаевскому! Но эту большую радость покрыла другая, еще большая: он уже не один, у него есть друзья! Они волновались за него, а теперь радуются вместе с ним. Гринька смущенно потупился и довольно поглядывал исподлобья то на «мамашу», то на Романа Петровича.

– Что ж это я разболталась? – спохватилась Анастасия Григорьевна. – Соловья, говорят, баснями не кормят.

Она отошла к печке. Громыкнула заслонкой. Комнату заполнил крепкий запах борща.

Гринька скромно сидел на кончике табуретки. С удовольствием разглядывал он давно позабытую обстановку жилой комнаты.

Все здесь казалось необычайно красивым и чистым: ситцевые занавески на окнах, цветы с промытыми листьями на подоконниках, постель с горкой округлых, упругих, будто надутых подушек...

Анастасия Григорьевна поставила перед гостем миску. Из нее валил пар, такой вкусный, что Гринька, сам того не замечая, облизнулся. Борщ был действительно хорош! Густой, жирный, с толченым свиным салом и жгучими стручками красного перца.

Гринька ел не спеша, старательно облизывая деревянную ложку. Комната, борщ, миска с крупными красными цветами напомнили мамкин черный чугунок, голубятню, вислоухого поросенка. Стало грустно-грустно. Но голод от воспоминаний не убавился.

Анастасия Григорьевна догадалась, о чем думал мальчонка, и по-своему выразила свое сочувствие. Несколько раз подходила она к нему с половником в одной руке и с кастрюлей – в другой.

– Добавить? – спрашивала она. И, не дожидаясь ответа, подливала в миску.

– Чудно! – вздохнул Гринька и удивленно посмотрел на «мамашу». – Если мне мучительно, так я кушаю, кушаю...

– А когда у тебя все хорошо, весело, – спросила Анастасия Григорьевна, – тогда как?

– Когда весело? Тогда меня и вовсе не накормить!

Старательно выбирая ложкой остатки борща, Гринька поймал на себе мягкий взгляд «мамашы». Подражая отцу, он пристукнул ложкой по столу и солидно похвалил хозяйку:

– Золотые руки!

Гринька не знал, что и Анастасию Григорьевну одолевали сейчас невеселые мысли. Глядя на гостя, она думала о своих трех сыновьях, погибших в мировую войну. Как она молила бога за них! Сколько церковей обошла, свечей переставила! Каким только святым и чудотворцам не кланялась! Даже дома часами простаивала она на коленях перед маленькой, темной иконой, украшенной бумажными цветами и рушником с вышитыми на концах черно-красными петушками. И ничто не могло избавить ее от серых казенных конвертов с траурной рамкой и коротких, но страшных слов: *«Погиб смертью героя на поле брани»*. Последний сын, старший, бросил фронт в конце шестнадцатого года и бежал в свой родной город. Его перехватили на каком-то разъезде, не доезжая станции Хасав-Юрт, и расстреляли как дезертира. В виде особой милости ему, как георгиевскому кавалеру, разрешили написать матери. Письмо было путаное, бессвязное. Лишь последняя строка все объяснила, дошла до сердца матери. *«Будь проклята война, – писал сын, – и те, кто ее выдумали, кому она нужна»*.

Эти слова Анастасия Григорьевна приняла как завещание, как последнюю волю своего погибшего сына.

С тех пор к уголкам ее губ сбежались жесткие морщинки. Она отвернулась от бога и возненавидела всякое упоминание о нем так же горячо, как и верила в него совсем недавно. Вся жизнь ее осталась в ненавистном прошлом. Помогая большевикам, Анастасия Григорьевна не думала о своем будущем, считая, что для нее в жизни осталось лишь одно: стремиться к тому, чтобы другим жилось лучше, чем ей самой. И теперь, глядя на сидящего перед ней Гриньку, Анастасия Григорьевна задумалась: а не ее ли будущее пришло в дом в виде лохматого мальчонки, уписывающего борщ?..

Анастасия Григорьевна убрала со стола посуду. Громыкнула в кухоньке жестяной лоханью.

– А ну... господин хороший, – с шутилой торжественностью пригласила она Гриньку, – пожалуйста мыться.

И жесткие морщинки возле уголков губ разбежались в доброй, материнской улыбке.

Гринькина тайна

Гринька вбежал в комнату в белой рубашке с чужого плеча. Трудно было узнать мальчишку после купанья. Волосы у него оказались русыми, мягкими, а глаза на чистом лице – уже не светлыми, а темно-серыми.

И мальчуган лишь только теперь присмотрелся к своему новому другу. Понравились ему оголенные по локоть мускулистые руки Романа Петровича, его крепкая шея и туго обтянутая выцветшей ситцевой рубахой широкая грудь.

«Здоровенный дядька!» – с уважением подумал Гринька и с еще большей симпатией посмотрел на обветренное лицо Романа Петровича с выгоревшими бровями и золотистыми редкими усиками. Как и каждому мальчугану, ему нравились сильные люди.

– Присаживайся рядом. ... – Роман Петрович подвинулся. – Вот так. Теперь рассказывай: кто ты и откуда?

Гринька устроился на кушетке поудобнее – поджал босые ноги под рубашку – и плутовато прищурился:

– А ты кто? Почему меня выручил?

– Обо мне речь впереди, – остановил его Роман Петрович. – Зовут тебя?..

– Гринька.

– Григорий, стало быть? Гриша. Грицько! – повторил Роман Петрович, будто выбирая, как звучит лучше. – Хорошее имя! Рассказывай, Григорий, Гриша, Грицько, Гринька! Кто ты такой?

– Я большевик-одиночка.

– Что-о?

Роман Петрович от удивления даже приподнялся с кушетки.

– Большевик-одиночка, – твердо повторил Гринька.

– Вот это да! – развел руками Роман Петрович. – Сколько живу... Первый раз слышу о такой партии!

– Такой партии нету, – серьезно поправил его Гринька. – Просто я сам, один – большевик. Без партии. Потому и одиночка. А вот подрасту немного, запишусь в партию. Тогда уже стану настоящим большевиком.

– Рановато тебе в партию, – сказал Роман Петрович.

– В самый раз! – решительно отрезал Гринька. – Видал, какого я генералу рака испек?

– Видал.

– И думаешь, меня в большевики не примут?

– Нет.

– Почему?

– Маловат. Подрастешь немного – пойдешь в комсомол.

– Куда? – насторожился Гринька.

– В Коммунистический союз молодежи.

– Нет! – мотнул головой Гринька. – Я лучше в большевики.

– В большевики! – усмехнулся Роман Петрович. – Экой торопыга! А знаешь ты, к примеру, что такое классовая борьба?

Гринька неловко замаялся.

– Вот! – продолжал Роман Петрович. – Какой же ты большевик, если даже не слышал о классовой борьбе?

Гринька стало неловко под ласковым взглядом Романа Петровича.

– Ничего! – смущенно протянул он. – Я выучусь.

– Когда еще ты выучишься! – не уступал Роман Петрович, уверенно направляя разговор к своей цели. – А сейчас? Кто за тебя бороться будет?

– Я французскую борьбу знаю! – буркнул Гринька. – И кавказскую. С подножкой.

Теперь уже опешил Роман Петрович. Человек он был холостой, беседовать с ребятами по-серьезному ему еще не приходилось.

«Как же это я?.. – думал он. – Заговорил о комсомоле и не подумал, что здесь и взрослые-то многие не знают, что полгода назад в Советской России организован комсомол. О классовой борьбе заговорил! Додумался!» Стараясь скрыть свое смущение, он круто повернул разговор:

– Сколько тебе лет?

– Двен... – Гринька запнулся и быстро поправился. – Тринадцать. – И для большей убедительности добавил: – В аккурат.

– Что ж... тринадцать лет – возраст подходящий.

Роман Петрович обдумывал, как бы ему незаметно снова повернуть беседу в нужную сторону.

Неожиданно помог ему сам Гринька.

– А где этот коммунистический союз? – спросил он.

– В России.

– О-о! – разочарованно протянул Гринька. – А здесь нету его?

– Покамест нет. Прогоним беляков – и здесь комсомол будет. Так-то, друг ситный! Придется тебе ехать в Советскую Россию.

– Не поеду! – буркнул Гринька.

– Не поедешь? – удивился Роман Петрович. Всего ожидал он, только не этого.

– Почему?

– Не поеду! – упорно повторил Гринька, избегая встречаться взглядом с Романом Петровичем.

– Пойми, хлопец, тебя ищут по всему городу.

– Пускай...

– На тебя беляки злы так, что хватают всех бездомных ребят.

– Ну и пусть хватают!

Опущенное лобастое лицо Гриньки стало вдруг упрямым, далеким от собеседника.

– Поймают тебя.

Мальчуган упорно молчал.

– Попадают в тюрьму люди более опытные, чем ты.

Гринька отвернулся к окну, притворяясь, будто очень заинтересовался большой синей мухой, трепетавшей на стекле.

– В Советской России тебя возьмут в детский дом, – продолжал Роман Петрович. – Получишь ты кровать, чистую постель. Ребят там много. Пойдешь с ними в школу. В комсомол тебя примут.

Гринька поднял наконец голову. Он посмотрел так, словно Роман Петрович своими угрозами причинял ему боль. И опять смолчал, не ответил.

Но Роман Петрович твердо решил настоять на своем. Надо было спасти парнишку от неизбежного провала. И он пошел на крайнее средство:

– Ты говорил, что отец твой перешел в Красную Армию?

– Перешел.

По голосу мальчика, по тому, как он оживился, Роман Петрович решил, что разговор идет к желаемой цели.

– Слушай, хлопец, – продолжал он, – и подумай как следует. А вдруг отец твой ранен, лежит где-то в госпитале? Один. Без родных. И даже не знает, жив ли ты...

– Не поеду! – Гринька вскочил с кушетки. Бледный, с вытянувшимся упрямым лицом, он сразу показался старше своих лет. – У меня... мамка... в здешней тюрьме. – Он тяжело перевел дыхание и еле слышно добавил: – За отца ее взяли...

Гринька хотел сдержаться... и не смог. По щекам его медленно сползли две крупные слезы. За ними по блестящему влажному следу покатались еще... Он отвернулся к окну и плакал, притворяясь, будто бы очень занят бьющейся о стекло мухой.

Слова мальчугана сбили Романа Петровича. Значит, Гриньку удерживает в городе не только мальчишеская удаль, задор, а большое чувство сына. Мать в беде... Как же это забыл он о том, что мельком прочел в листовке? Так вот почему Гринька оказался на улице и стал «Красным мстителем»!..

В комнате стояла такая тишина, что жужжание мухи, бьющейся о стекло, стало неправдоподобно громким...

Решено

Настроение мальчугана – горестное, тягостное – передалось и Роману Петровичу. Неловко было сидеть и молчать. Но и спорить невозможно. И все же следовало что-то предпринять. Дом «мамаши» не мог быть надежным убежищем для Гриньки. Слишком уж шустр и предприимчив паренек. Такого в четырех стенах не удержишь. А на что еще может пойти мальчуган, подстегиваемый жгучей тревогой за арестованную мать? Как ни ломал голову Роман Петрович, придумать ничего не удавалось. Поэтому он облегченно вздохнул, когда в приоткрытую дверь заглянула Анастасия Григорьевна и вызвала его из комнаты.

Во дворе, на толстом чурбане, заменявшем лавочку, сидел сухощавый, крепко сбитый человек. Серенький бумажный костюм с простеньким галстуком как-то не шел к его скуластому лицу с двумя резкими морщинами вдоль щек.

– Меня зовут Сергей. – Незнакомец протянул широкую, крепкую руку. – Тебе говорили о моем приходе?

Говор у него был не здешний, а круглый, чуть окающий.

Сергей назвал имя человека, поручившего Роману Петровичу перебросить его морем в Ростов-на-Дону.

– Был такой разговор, – подтвердил Роман Петрович. – Что ж, раз надо, сделаем...

Сговорились они быстро. Отъезд назначили на завтра. Перед тем как проститься, Сергей вырвал из записной книжки листок, написал столбиком названия разных лекарств и поручил закупить их до отхода лодки. Теперь Роман Петрович понял, почему Сергей пробирается в Ростов морем. Почти по всему низменному кубанскому побережью Азовского моря широко раскинулись необъятные зеленые плавни. Там, в непролазных зарослях камыша, гнездилась чуткая болотная птица, бродили выводки свирепых диких кабанов. Там же укрывались и отряды красных партизан, люди, бежавшие от преследования контрразведки, беглецы из белогвардейских частей. Плавни служили надежным убежищем каждому, кому нельзя было жить в родных местах, кто боролся с деникинцами. Пробраться в плавни было нелегко. Сунулись было туда белогвардейцы раз, другой – и отстали. Дорого обошлось! Партизаны же в плавнях были неуязвимы. Даже городским подпольщикам-коммунистам было нелегко поддерживать связь с ними. Приходилось пробираться морем, на легких рыбацких лодках. По азовскому мелководью иначе к плавням не подойдешь.

Роман Петрович решил потолковать с Сергеем о Гриньке.

– Зайдем-ка в сад, – пригласил он. – Тут случай подвернулся... сложный. Хочу посоветоваться с тобой.

На скамье под старым кронистым абрикосом Роман Петрович рассказал Сергею все, что знал о мальчонке.

Сергей облокотился на круглый садовый стол. Внимательно выслушал он Романа Петровича и забарабанил пальцами по толстым, грубо оструганным доскам стола.

– Да-а! – протянул он. – Действительно случай!

– Что делать с пареньком? – спросил Роман Петрович. – Не оставлять же его на улице! На погибель!

Пальцы Сергея остановились.

– Тут плохо, – медленно произнес он, поняв, куда клонит Роман Петрович, – и со мной... тоже нехорошо. Еду я в Ростов морем не зря.

– К партизанам заедешь? – понял Роман Петрович.

– Придется по пути заглянуть в плавни. – Сергей опустил стриженую голову, помолчал. – А паренька надо убрать из города.

– Надо! – подхватил Роман Петрович. – Да сделать это не просто. Очень уж привязан он к матери.

– Тем более. Жаль мальчонку. Такого вырастить – человеком будет.

– Это верно, – в раздумье произнес Роман Петрович. – Но ведь он не грудной младенец. Силой его не увезешь.

– Надо увезти, – твердо сказал Сергей. – Здесь, в городе, делать ему нечего. Не сегодня, так завтра поймают его.

– Поймают, – снова согласился Роман Петрович, довольный тем, что разговор пошел именно так, как ему и хотелось.

– Сам попадется, да еще и мать свою подведет, – продолжал Сергей, незаметно для себя подбирая все новые и новые доводы, подтверждающие необходимость вывезти Гриньку. – Попадет мальчонка в контрразведку – они нажмут на мать. Быть может, она знает товарищей мужа или слышала их разговоры. Наши-то не очень осторожны... – И, будто подводя итог сказанному, он пристукнул ладонью по столу: – Надо убрать парнишку отсюда!.. Как у вас связь с тюрьмой?

– Есть...

– Тогда все можно устроить. Достаньте письмо от матери. Пусть она сама, своей рукой, напишет сыну: «Поезжай в Советскую Россию». И для сына слова матери – покрепче наших уговоров, и мать будет спокойна за него.

– Достать письмо можно, – согласился Роман Петрович. – А как мы вывезем хлопца? О железной дороге нечего и думать: проверка документов...

– Раз лучшего пути нет, – перебил его Сергей, – пускай едет со мной. – Он поднялся со скамьи и протянул руку: – Решено?

Роман Петрович вернулся в комнату. Гринька стоял на прежнем месте, у окна, все еще наблюдая за ползающей по стеклу мухой. Услышав скрип двери, он обернулся и сказал:

– Вечером я уйду отсюда.

– Никуда ты не уйдешь.

– Уйду!

За окном, трепеща крылышками, уселась на яблоню шумливая стайка воробьев. Они кричали изо всех сил, кричали так старательно, что даже приседали от усердия...

Гринька безразлично следил за бойкой птичьей возней.

Роман Петрович взял его за плечи и возможно внушительнее сказал:

– Вот что, молодец, выбирай: либо ты уедешь в Советскую Россию, либо сам пропадешь и невольно подведешь свою мать. В городе тебя многие знают в лицо. За тобой охотятся. Сам видел!

Роман Петрович подождал, не ответит ли Гринька. Но мальчик молчал.

– Имей в виду, – продолжал Роман Петрович, – это не только мое мнение. Так же думают и мои товарищи.

Гринька возил пальцем по подоконнику. Роман Петрович повернул его лицом к себе:

– Если желаешь убедиться, что я прав, так обещаю тебе...

Гринька настороженно приподнял брови.

– ...обещаю, что завтра получишь от матери письмо. В нем она тоже потребует, чтобы ты немедленно уехал отсюда.

Роман Петрович рассчитывал на письмо как на самое сильное средство. И все же он не ожидал такого впечатления. Он почувствовал, как под его руками вздрогнули плечи мальчика. Глаза его широко раскрылись. В них виднелись радость и сомнение, изумление и благодарность. Письмо от нее! Голос Романа Петровича звучал так уверенно, что мальчуган поверил.

– Ладно! – Он проглотил что-то мешавшее ему говорить. – За письмо поеду. Только пускай она сама напишет. Своей рукой.

– Обязательно своей рукой, – подтвердил Роман Петрович и протянул ему руку: – Крепко?

Гринька ответил ему: пожал руку сильно, как мужчина.

История Гриньки

Долго не спалось Гриньке в эту душную ночь. И неудивительно: впервые ему предстояло самому принять важное решение.

До сегодняшнего дня жизнь Гриньки складывалась как-то сама собой. Жил он с родителями в богатой, сытой станице. Отец работал машинистом на большой мельнице, мать хозяйничала дома. Гринька занимался своими делами: ходил в школу, гонял голубей, лазил под обрыв за раками.

И вдруг эта жизнь рухнула. Началось с того, что деникинцы взяли отца на войну. Остался Гринька с матерью вдвоем. Скоро к ним пришел урядник и увез мать в город. Станичные ребята передали Гриньке подслушанное дома: отец его вместе с другими солдатами перешел к красным.

«Убежал от беляков и правильно сделал! – рассудил Гринька. – А за что же мать забрали?» После ареста матери Гриньку вместе со всем его имуществом взял к себе сторож мельницы, Поликарп Потапыч.

Поликарп Потапыч был большой политик и дипломат. Когда в станицу пришли красные, он вовсю ратовал за передел земли, ругая царя Николку и урядника Филимона Иовича. Красные продержались в станице недолго. Снова пришли кадеты. В тот же день Поликарп Потапыч уехал в город. Разыскал там хозяина мельницы. обстоятельно доложив ему о делах на мельнице, о понесенных при красных убытках и припрятанном в потайном месте зерне, Поликарп Потапыч получил от хозяина в награду за преданность чувал муки, десять пудов мельничной пыли и вернулся в станицу уже горячим сторонником кадетов. И теперь на сходках он шумел тем громче, чем дальше отходили красные части от Кубани.

– К бисову батькови краснопузых голоштанцев с их комиссарами! Свит баламутят! Жить не дают! Робить не дают честным хлеборобам!

Как только Поликарп Потапыч перетащил в свою каморку Гринькины пожитки, а главное – швейную машину и толстошею курносого поросенка, он круто изменил свое отношение к мальчугану. Сперва он поругивал его. Потом стал попрекать куском хлеба и даже мельничной пылью, которой откармливал присвоенного поросенка. Узнал Гринька, что и в сытой станице можно быть голодным. А Поликарп Потапыч все чаще жаловался соседям на приемыша. И характер-то у хлопца худой, и ленив, и смотрит волком. Все это Гринька терпел, понимая, что живет у чужих. Но когда Поликарп Потапыч разошелся и крикнул ему: «Эх ты, казак!.. Тюремного роду, грабительского племени!» – Гринька не выдержал и ответил словами, слышанными когда-то от отца: «А ты... ты продажная душа. КВД!»² Что такое «КВД», Поликарп Потапыч не понял, но обиделся страшно и снял с себя толстый ремень. Гринька схватился за топор.

Поликарп Потапыч посмотрел в широко раскрытые, блестящие глаза приемыша и... опустил руку.

– Волчонок! – бормотал он, свертывая трясущимися руками грубый солдатский ремень. – Волчонок!

И, только отступив от Гриньки на приличное расстояние, Поликарп Потапыч осмелел. Широко распахнул дверь и крикнул:

– Геть, пащенко! Щоб духу твоего здесь не було! Щоб я бильше не бачил тебе! Геть!

Поликарп Потапыч выбросил в окно Гринькину праздничную курточку рубчатого бархата, стоптанные, но еще крепкие сапожки и отцовскую черную папаху карачаевской овчины. Следом полетели тыквенные бутылки, ссохшийся ушат, утюги, всякий домашний хлам. Унести все это Гринька не мог. Да и на что ему, скажем, ушат или утюги?

² КВД – «Куда ветер дует». Так в годы Гражданской войны называли обывателей, приспособлявавшихся к любой власти.

Мальчуган свернул в узелок курточку, башмаки, отцовскую папаху и пошел.

Вечер стоял теплый, тихий. Возле хат толпились хлопцы и девчата. Они грызли семечки, смеялись.

Пряча от чужих глаз свое горе, Гринька шел серединой улицы. Шел и сам не знал куда. Старательно обходил он не только шумные посидки, но и редких одиноких прохожих.

Незаметно мальчуган очутился на дороге, ведущей в город. И тут он решил: надо уйти из станицы. Совсем уйти. Мать – в городской тюрьме. В городе можно найти большевиков – людей, о которых так много говорят в станице. Они-то и помогут выручить мать.

В городе Гринька скоро понял, что найти большевиков вовсе не так просто, как казалось. А еще быстрее он понял, что, не имея пристанища, незачем беречь и бархатную курточку. На обладателя такой нарядной штуки все смотрят как на богача, за все требуют платы. Недолго думая, Гринька сменял свою курточку на старый офицерский френч и два кружка колбасы. Папаху он проел еще в пути.

В городе Гринька попал в компанию бездомных ребят. Верховодил ими широкий в плечах и не по возрасту крепкий паренек лет тринадцати, Митька Клещ. Так его прозвали за сильную хватку рук и настойчивость.

Гринька не задумывался над тем, где и как добывают его новые приятели хлеб, колбасу и даже сладости. Говорили они между собой на каком-то тарабарском языке. Прислушаешься к ним – будто по-русски говорят, а непонятно. Но признаться в том, что не понимаешь товарищей, было неловко. Поэтому Гринька держался с ними так, словно он все знал и понимал, но просто не желал вмешиваться в беседу.

Утром Митька Клещ повел свою ватагу на базар. Юркие оборванцы рассыпались по привозу. Одни из них держались шумно, приставали к прохожим, лезли к лошадям, другие незаметно пробирались за возами, стараясь не привлекать к себе внимание.

– Видишь тетку? – спросил Митька Клещ у Гриньки.

– Вижу.

– Подойди к ней и гляди на нее во все глаза. Станет она тебя гнать – не уходи. По шее дадут – отойди чуток и снова гляди на нее. И так покуда не услышишь, как крикнут: «Жара!» Тогда тикай сразу. Понял? Дуй!

Гриньке очень хотелось выполнить наказ Митьки точно и умело. Хотелось, чтобы Клещ похвалил его. Он подошел к немолодой женщине и уставился на нее.

– Чего тебе? – недовольно спросила она. – Проходи...

Гринька не шелохнулся и только еще усерднее таращил глаза на сердитую тетку.

– Уйдешь ты или нет? – Женщина грозно подалась к нему.

Гринька не двинулся с места.

– Я тебя!..

Гринька еле успел увернуться от протянутой к нему сильной загорелой руки. И тут за спиной у него крикнули:

– Жара!

Быстро шмыгнул он за ближнюю мажару, мельком увидел за спиной тетки деловито насупленное, грязное лицо Клеща и еще какую-то юркую фигурку в рванье. Можно было бежать.

Остановил Гриньку отчаянный вопль. В хриплом голосе было столько отчаяния, что мальчуган не мог двинуться с места. В воющем крике Гринька уловил слова о каком-то узле, проданной корове... Не сразу сообразил он, что эта женщина, солдатка, продала свою единственную корову, чтобы купить детям хлеба на зиму, и теперь у нее украли узелок с деньгами.

– ...Что ж делать мне?.. Что делать? – кричала она и рвала на себе ветхую кофту. – Детушки мои! Несчастные!.. Голодные!..

Лишь теперь понял Гринька, что он наделал! Он помог обворовать солдатку и ее ребят. Не помня себя, Гринька побежал разыскивать Клеща. Может быть, это не кража, а шутка? Ребята посмеются и вернут женщине узел?

Компания Митьки Клеща сидела на пустыре, в тени, падающей от стены обгорелого полицейского участка. На пыльной траве лежала горка смятых пирожных, копченая рыба, горячий рубец и печенка. Посередине стояла бутылка водки.

Мальчишки шумно хвалили Митьку Клеща. Ловко выхватил он узел с деньгами у той тетки и передал его своим!

– Садись, корешок! – издали крикнул Клещ, увидев Гриньку. – Сегодня гуляем. Фарт наш!

Гринька смотрел невидящими глазами вверх Митькиной головы.

– Отдай тетке узел, – сказал он и сам не узнал своего голоса.

– Отдать? – Клещ поднялся с травы. – Тетке?.. Отдать узел?

Вся шайка смотрела на Гриньку удивленными глазами. И вдруг воры расхохотались. Смеялись они так, будто Гринька сказал что-то очень смешное.

– Отдать? – кричали они. – Тетке? Вот сказанул! Ой, не могу!..

– У нее же дети голодные! – крикнул Гринька.

Хохот стал еще громче. Воры теребили свои лохмотья, хватались от восторга за бока, живот и колени, задыхались от смеха. А двое повалились на спину и дрыгали загорелыми, в черных цыпках ногами.

– Где узел? – не обращая внимания на гогот воров, спросил Гринька у вожака. – Где?

Митька Клещ встал. Взял с травы пирожное. На грязном лице его появилась нехорошая, кривая усмешка.

– Вот узел! – громко сказал он и с размаху залепил пирожным в лицо Гриньки.

Это было сигналом. Вся шайка бросилась на Гриньку. Били его так, что в глазах закружились радужные пятна, а от боли в разбитом носу, в животе и в колене перехватило дыхание.

...Гринька поднялся на ноги. Посмотрел на валявшееся в пыли пирожное, уже черное от облепивших его мух, сплюнул кровью и пошел с пустыря, обтирая с лица слезы, кровь и липкий крем.

Больше Гринька не ходил ночевать в разрушенный полицейский участок. Теперь он держался в стороне от беспризорных. Особенно остерегался он встреч с шайкой Клеща. Впрочем, клещевские воры уже не обращали внимания на него. Разве крикнут издали:

– Эй, Тетка! Хочешь еще «узла»?

Однако надо было чем-то кормиться. Попрошайничать Гринька не умел. Стыдился, Пришлось расстаться с сапогами. Их взял «за науку» бездомный паренек с больными ногами. Он обучил Гриньку зазывать публику и петь песенки, выбивая такт костяшками. Так Гринька превратился в уличного певца.

Все эти события шли сами собой и тащили за собой мальчугана, не давая ему ни опомниться, ни подумать о будущем. Единственное, что шло от самого Гриньки и толкнуло его в город, – это боязнь за арестованную мать. Гринька шел в город, уверенный в том, что ему удастся повидать ее или же, на худой конец, узнать, что с ней. В жизни он не видел тюрьмы, не слышал о контрразведке. Гринька представлял себе тюрьму, как огромный дом из крепкого камня, со множеством маленьких зарешеченных окошек. У окошек день и ночь сидят арестанты и поют очень грустные песни. Вокруг дома ходят тюремщики с заряженными ружьями. Оказалось, что тюрьма вовсе не высока. Из-за дощатой ограды выглядывали только бурые железные крыши да деревянные сторожевые вышки. А подойти поближе мешали не столько часовые, которых и не видно было с улицы, сколько колючая проволока и широкая канава, полная затхлой воды.

Не раз Гринька часами кружил около тюрьмы, но так и не мог додуматься, куда упрятали его мать, как бы подать ей знак, что он тут, близко, возле нее.

И все же в городе Гринька чувствовал себя куда лучше, чем в станице. Здесь не было Поликарпа Потапыча, а главное – ничто не напоминало об отцовском доме, жил он, не зная забот, никого и ничего не боясь. К тому же в городе случалось слышать разговоры о том, что «они работают, разве их задавят?» Гринька понимал, что это говорили о большевиках, о людях, с которыми были связаны все его надежды на освобождение матери. Скоро он и сам нашел, чем помочь большевикам. Жаль только, не успел развернуться. И теперь, когда таинственное слово «большевик» обратилось в живых, хороших людей – в Романа Петровича и Анастасию Григорьевну, – от него требуют: «уезжай из города». Было от чего грустить! Советская Россия! Гринька пробовал представить себе, как выглядит Советская Россия и чем она отличается от остальной России. «Красные флаги на домах – это раз! – думал он. – Ленин там – два! Рабочие там всех главнее – три! Комиссары... А какие бывают комиссары? Что они делают, если беляки так ненавидят их?..» Так и заснул Гринька, не поняв, какие бывают комиссары и чем они занимаются...

Страшная весть

Утром Гринька поднялся поздно. Выбежал во двор и спросил у Анастасии Григорьевны, не пришел ли Роман Петрович.

– Успеешь еще наспориться. Вояка! – ответила «мамаша». – Поди-ка лучше помоги мне.

Они вошли в маленькие сени. Анастасия Григорьевна открыла огромный, обитый медными листами сундук. В сенях пахло нафталином и особым, душным запахом старых вещей.

Анастасия Григорьевна достала из сундука суконные брюки, куртку, старомодный картуз с большим козырьком и башмаки на резинках. Это были вещи ее младшего сына. Много лет бережно хранились они в сундуке.

Когда Роман Петрович вошел в комнату, Гринька сидел на кушетке. Старательно поджимая под себя босые ноги, он следил за узловатыми пальцами Анастасии Григорьевны. Она укорачивала брюки. Мелкие стежки ровно ложились по серому сукну. В аккуратной строчке, в мягких движениях пальцев было нечто такое, что Гриньке напомнило мать. Хотелось сидеть и смотреть на эти руки долго-долго.

Гринька радостно вскочил навстречу Роману Петровичу. Но, взглянув в его лицо, мальчик сразу притих.

– Не принес? – сказал он.

– Такие дела сразу не делаются, – успокоил его Роман Петрович. – Мамка твоя не в гостях – в тюрьме! Туда, брат, не сразу проберешься.

Анастасия Григорьевна, перекусывая нитку, украдкой взглянула на Романа Петровича, стараясь угадать, какие вести он принес.

– Готово! – сказала она, сложила брюки и поднялась, разминая усталую спину. – А теперь – услуга за услугу, – обратилась она к насупившемуся Гриньке. – Порубай мне дровишек. Топки на две...

Гринька взял в углу колун и молча вышел.

– Садись, Роман Петрович, – сказала «мамаша». – Рассказывай...

С утра Роман Петрович отправился на розыски Христи Ставраки. Это был отважный парень, настоящий рыбак – смелый и веселый, как почти все люди, занимающиеся опасным трудом. Весь поселок знал его как одного из лучших добытчиков. Умел Христа и гулять. Живой и общительный, он всегда был душой компании. Но Христа обладал еще одним очень ценным качеством. Трезвый или же под хмельком, он был неудержимый болтун, но в то же время ухитрялся никогда и ничего не сболтнуть лишнего. Зато всегда выуживал у своих менее разговорчивых собеседников все, что они знали. Партийный комитет нередко получал от него очень ценные сведения. Ведь рыбаки в приморском городе видят и знают очень многое. Нечего и говорить, что шустрого молодого рыбака, любившего посидеть в харчевне или в кафе, никто, даже его приятели, не могли заподозрить в связях с большевиками. Никто не знал, как умел держать себя в руках весельчак и балагур Христа.

Роман Петрович нашел Христа на взморье. Там же и договорился, что тот перебросит Сергея и Гриньку морем в Ростов-на-Дону.

– Когда выйдем? – спросил Христа так, словно речь шла о небольшой прогулке.

Условились завтра, в восемь часов вечера, собраться поодиночке у его шаланды.

От Христа Роман Петрович направился на окраину города. В небольшом, крытом камышом домике он застал хозяина конспиративной квартиры, Акима Семеновича. Это был старый моряк-пенсионер, высокий и несколько сутулый человек с тяжелыми, покатыми плечами.

Роман Петрович рассказал ему о Гриньке и обещанном письме.

Старый моряк задумчиво поглаживал свои волнистые седые волосы. Он уже слышал о похождениях бесстрашного «Красного мстителя» и даже одобрял боевого мальчонку.

– Мать, говоришь, сидит пятый месяц? – спросил он.

– Пятый месяц.

– Крепко!

– Так как же, Аким Семеныч? – спросил Роман Петрович. – Можно надеяться?

– Уж больно спешишь ты!

– Случай такой.

Аким Семенович помолчал, что-то обдумывая. Степенно раскурил он трубку с медной узорчатой крышечкой:

– Заходи завтра. Сделаем.

– Можно утречком?

– Заходи.

– Вот и хорошо! – сказала «мамаша», выслушав рассказ Романа Петровича. – Завтра же сплавим паренька. Не место ему тут.

Но голос ее прозвучал грустно и совсем не соответствовал сказанному.

За окном звонко щелкали раскалываемые поленья. Гринька усердно колол розовую хрупкую вербу.

Остаток дня ушел на беготню по аптекам. Партизаны скрывались в болотистых лиманах Кубани и очень нуждались в медикаментах. Злокачественная лихорадка приносила им больше вреда, чем оружие деникинцев. Карательные отряды боялись забираться в непролазную чащу камышей. Малярия же проникала в любую глушь.

До поздней ночи «мамаша» и Гринька зашивали в клеенчатые, непроницаемые для воды мешочки бинты, дерматол и хинин. Рассовали они по мешочкам и несколько советских газет. Правда, газеты были старые, но это никого не смущало. Партизаны радовались каждому клочку газеты, где можно было прочитать о жизни Советской России.

Упаковка медикаментов затянулась допоздна. Гринька заснул за столом с иголкой в руках. Пришлось перенести его на кровать. Ночью он спал плохо – вскидывался с постели, что-то бормотал. Из сонного лепета можно было разобрать лишь несколько слов: «...Я сам... сам прочту...» Даже и во сне его не оставляла мысль об обещанном письме.

Утром Роман Петрович поднялся рано и тихо, боясь разбудить Гриньку, вышел на улицу.

Едва он переступил порог знакомой хатки под камышовой крышей, как сразу заметил неладное. Старый моряк притворился, будто не замечает его. Он сидел за столом, усердно ковыряя проволочкой в трубке. Роман Петрович напомнил о себе – кашлянул. Аким Семенович поднял широкое морщинистое лицо и проворчал:

– Стоишь над душой!..

Опасения Романа Петровича усилились. Он знал, что если Аким Семенович отвечает неохотно, значит, новости скверные.

– Письмо получил? – спросил Роман Петрович.

– «Письмо, письмо»! – рассердился старик. – Наобещали там!.. «Письмо»!

Он запнулся и стал раскуривать люльку, откинув с чубука узорчатую медную крышечку. Это еще больше встревожило Романа Петровича.

– Я спрашиваю тебя, Аким Семенович, – резко бросил он, – где письмо?

Старик занялся своей трубкой еще усерднее. Густые клубы дыма окутали его морщинистое лицо.

– Что случилось с женщиной? – Голос Романа Петровича звучал беспокойно. – Скажешь ты или нет?

– Умерла, вот что! – выпалил Аким Семенович. И добавил тише: – Еще два месяца назад.

– Умерла?!

Всего ожидал Роман Петрович, но только не этого.

– От тифа, – хмуро добавил Аким Семенович. – В неделю сгорела...

Наконец он выпустил из зубов свою трубку. Разогнал рукой окутавшие его клубы табачного дыма.

– Вот... – Он протянул Роману Петровичу на громадной, заскорузлой ладони маленькое серебряное кольцо. – Просили передать парнишке. Мать оставила. Когда ее выносили из камеры в санитарный околоток, она очнулась и передала. Сказала – сыну оставляет.

Роман Петрович растерянно взял кольцо, не зная, что с ним делать. Колечко было старое. Края его стерлись настолько, что стали острыми.

Аким Семенович поднял дымящуюся трубку и, держа ее на отлете, медленно произнес:

– Уж теперь, Роман, не оставляй мальчика. Раз взялся, поберег... так сохрани. Вывези его из города прочь.

– «Вывези»! – бросил в сердцах Роман Петрович. – Легко сказать – вывези. Знал бы ты, что за характер у хлопца! Видел же ты его в Общественном собрании?

– А у нас-то что... характеров нету? У нас...

Роман Петрович не дослушал его. Со злостью запустил он кольцо в угол хаты и повернулся к выходу.

– Стой!

Аким Семенович поднялся за столом – огромный, тяжелый, грозный – и строго показал пальцем в угол:

– Не швыряй. Это тебе не безделка – память замученной матери! Что она еще могла оставить сыну? В тюрьме-то! Ты должен передать мальчонке кольцо. Не сейчас, так после. Мальчонку-то мать... ласкала. Кольцо на руке было. Малец узнает его. Беречь будет. Память!

Роман Петрович отыскал взглядом блестевшее у стены колечко, быстро поднял его и вышел из хаты.

Аким Семенович яростно курил. Серые облака едкого махорочного дыма заполнили хатку.

Прощанье

После работы Роман Петрович прошел к стоянке рыбацких лодок.

На взморье было тихо. Ясное, до боли в глазах, небо сливалось на горизонте с ослепительно блестящим неподвижным морем. В тишине оглушительно громко звучали скрипучие голоса чаек.

Шаланда Христи Ставранаки отличалась от остальных широкой, крепкой кормой и сильно приподнятым острым носом. Сидела она на воде плотно, как сытая гусыня. Шаланда пропахла рыбой, смолой и особым крепким запахом Азовского моря. На носу было выведено яркой киноварью: «Кефаль», хотя сама шаланда ничем не походила на эту стройную серебрястую рыбку.

Еще вчера было решено: собираться у шаланды поодиночке. И сейчас Роман Петрович присматривал, как подойти вечером к стоянке, чтобы не сбиться в темноте с пути. Из города лучше всего было идти напрямик, минуя дорогу через рыбацкий поселок.

Все было подготовлено к отъезду. Лишь одно беспокоило Романа Петровича: Гринька. Хлопчик спросит: где письмо? Дать ему кольцо? Об этом нечего и думать. Он сразу догадается, что с матерью что-то произошло. Еще надумает отомстить контрразведчикам за гибель матери.

Занятый своими размышлениями, Роман Петрович не заметил, как вошел в город. Машинально шагал он по улице, пока не наткнулся на ларек с красной, похожей на помидоры хурмой.

– Яваш, яваш!³ – закричал торговец-перс с сухим, коричневым лицом и выкрашенными в красный цвет бородой и ногтями.

Обеими руками оттолкнул он Романа Петровича от лотка и нагнулся за скатившимися на пыльную мостовую сочными плодами.

Роман Петрович осмотрелся. Рядом с лотком он увидел вывеску харчевни «Париж». Роман Петрович толкнул дверь харчевни и, войдя, уселся за пустой столик.

К нему подошел хозяин – черный, уса́тый и мрачный, с крючковатым, цепким носом. Молча принял он заказ, скрылся за стойкой и спустя минуту поставил на стол стакан вина, прикрытый от мух желтым блюдцем.

Не спеша потягивая кислое, вяжущее рот вино, Роман Петрович посматривал в окно. По-прежнему сверкало под солнцем море. Над ним белыми лоскутами парили чайки. Все напоминало о скорой разлуке. И нельзя было пойти домой, провести последний час с Гринькой. О чем стали бы они говорить? Только о письме, которого нет и не будет.

...Соборный колокол пробил семь часов, когда Роман Петрович вернулся домой.

Гринька сидел возле окна, безразлично глядя в сад.

– Досадная штука вышла, дружище! – сказал Роман Петрович, стараясь опередить его вопрос и держаться непринужденно. – Письмо принесут только к лодке.

– Кто принесет? – настороженно спросил Гринька.

– Человек, с которым ты поедешь в Советскую Россию.

Гринька ничего не ответил. Он сидел напряженно выпрямившись и строго смотрел в глаза Роману Петровичу.

– Ну вот!.. – Роман Петрович смущенно потрепал его по плечу. – Теперь скоро.

Гринька медленно поднялся со стула.

– Я пойду на шаланду, – сказал он, упрямо пригнув голову, – в море пойду... куда хочешь, но если не будет письма... не поеду никуда. Силком не увезете. Я не маленький. Вырвусь. В воду прыгну, а не поеду.

³ Яваш – по-ирански «тише».

– Будет тебе весть от матери! – Роман Петрович пытался строгостью прикрыть свое смущение. – Будет!

А Гринька быстро, спеша закончить свою мысль, добавил:

– Я и сам сумею повидать мамку. Если не на воле, так хоть в тюрьме.

Острое беспокойство, не оставлявшее Романа Петровича с утра, охватило его еще сильнее. Мальчуган явно задумал что-то. Но что? Как он будет вести себя, когда придет время садиться в шаланду? Ведь рано или поздно, но узнает он, что обещанного письма нет.

Анастасия Григорьевна вошла в комнату своей неслышной поступью. Незаметно показала Роману Петровичу глазами на дверь. Роман Петрович вышел из комнаты. В сенях он подождал «мамашу».

– Шебаршит малец! – шепнула она и оглянулась на плотно прикрытую дверь. – Весь день какой-то чудной ходит, думает. Не знаю, право, как и быть с ним. Может, оставить его? Пускай поживет со мной. Не обьест.

– А если он узнает, что мать его умерла в тюрьме от тифа?

– Умерла?

«Мамаша» испуганно отступила от Романа Петровича.

– Тогда что будет? – жестко спросил Роман Петрович.

– Что ж... – Анастасия Григорьевна вытерла глаза уголком белой косынки и коротко ответила: – Вези.

Помолчала и грустно добавила:

– Такая, видно, судьба...

Чью судьбу она имела в виду – Гринькину, Гринькиной матери или свою, – Роман Петрович так и не понял.

Из пятидесяти восьми лет жизни Анастасии Григорьевны почти сорок ушло на заботы о детях. Нужды нет, что старший сын погиб бородатым ополченцем. – для матери он по-прежнему оставался Васей. Быстроглазый, бойкий Гринька с новой громадной силой поднял в старой женщине живучее материнское чувство. Забота о чистой рубашке, беспокойство за перестоявший в печи обед, мелкие хозяйские хлопоты всколыхнули старое. Лохматый, колючий мальчишка стремительно ворвался в жизнь, стал нужен и дорог.

Роман Петрович понял это и стал говорить об отъезде Гриньки суховато, тоном человека, не допускающего и мысли об отмене принятого решения.

Анастасия Григорьевна сурово соглашалась с ним. Давалось это нелегко. Снова сбежались к уголкам ее губ острые морщинки.

...Солнце опустилось за курчавые сады. Под деревьями стало темно. Роман Петрович вышел с Гринькой из дому. Анастасия Григорьевна проводила их до калитки.

– Прощай, Гриня! – сказала она и положила свою большую руку на голову потупившегося мальчика. – Может, еще свидимся...

Гринька вздохнул, хотел ответить... И вдруг он схватил ее ладонь обеими руками и прижался к ней щекой. Потом отвернулся и быстро зашагал за Романом Петровичем, стараясь не оглядываться.

Анастасия Григорьевна облокотилась на забор, глядя, как уходит Гринька из ее маленького домика.

Закатное солнце вызолотило вершины деревьев и крыши. Улица, поросшая редкой травкой, казалась сегодня особенно ухабистой. Роман Петрович и Гринька несли корзины, в которых под помидорами были спрятаны мешочки с медикаментами.

Улица подходила к концу. Уже видна была памятная обоим акация с отпиленным суком. Вот и забор, за которым Роман Петрович нашел Гриньку...

На углу Гринька не выдержал, оглянулся.

«Мамаша» все еще стояла у забора и смотрела вслед уходящим.

Провал

Они вышли на дорогу, ведущую к морю. До стоянки шаланды было еще далеко. Над морем, там, где недавно скрылось солнце, пылало огромное багровое зарево – предвестник ветреной погоды.

Скоро Роман Петрович свернул с пыльной дороги и повел Гриньку по кукурузному полю. Двигались они медленно, осторожно ступая меж торчащими из земли кукурузными пеньками. По сторонам часто виднелись бахчи. Можно было нарваться на хозяина поля, вооруженного двустолвкой, заряженной крупной солью, а то и дробью.

Поля кончились у сырого овражка. Дальше пошел густой кустарник. Пробираться стало труднее. Корявые ветки хлестали по лицу и плечам, цеплялись за дужки корзин...

Когда Роман Петрович с Гринькой выбрались к взморью, закатное зарево погасло. С берега надвигался стремительный южный вечер – теплый, темный, звездный. Лишь на высоких и редких перистых облачках задержались нежные розовые блики. А уже через все небо громадным серебряным поясом перекинулся Млечный Путь. Тысячи и тысячи звезд, неподвижных и мерцающих, нависли над землей и морем. Размеренно и глухо бились о берег волны. Отступая, вода сердито шипела и громко шуршала мелкими камешками.

Неподалеку от шаланды Христи Ставраки Роман Петрович еще днем приметил три крупных серых валуна. Между ними он устроился с Гринькой и стал ждать.

Лежали они неподвижно, наблюдая, как вспыхивают в воздухе и медленно плывут жуки-светляки, порой теряясь среди ярких звезд. Сперва робко, а затем все смелее и громче зазвенели цикады. Скоро эти звуки слились в негромкий мелодичный хор, в который неприятно врезался далекий сдавленный вопль, шакала...

Гринька толкнул Романа Петровича в бок:

– Слушай!

Роман Петрович насторожился, но ничего, кроме однообразного шума моря да звона цикад, не услышал.

Маленькая крепкая рука сжала его локоть:

– Идут!

Роман Петрович приподнял голову – так кажется, что лучше слышишь в темноте. Но как ни напрягал он слух, ничего напоминающего шаги человека не уловил. Лишь редкие всплески волн да легкий шум ветерка в кустах.

А Гринька привалился к его плечу и, жарко дыша в ухо, шепнул:

– Слышишь?

Гринька не был трусом. Многие ночи, проведенные им в темноте и одиночестве, научили его разбираться в мельчайших шорохах. Понимая это, Роман Петрович замер, стараясь не скрипнуть галькой, на которой они лежали.

Густо ударил соборный колокол. Раз! Два! Три!.. А когда замер его последний, восьмой удар, кругом еще громче заверещали цикады, заглушая уже и глухие удары волн о берег, и шипение отступающей воды, и шорох ветра в кустах...

Неподалеку скрипнула под ногами галька. Кто-то шел к шаланде.

Роман Петрович приподнялся, стараясь в темноте узнать малознакомую фигуру Сергея. Христия должен был захватить с собой парус и воду, а потом собирался подойти к шаланде на маленькой гребной лодке. Человек подошел к шаланде. Остановился. Роман Петрович решил подползти поближе и убедиться, что возле нее действительно Сергей, а не кто-либо из рыбаков, иногда проверявших свои лодки. Подполье приучило его к осторожности. Да и настойчивость Гриньки, что-то слышавшего, обеспокоила.

Не успел он отползти от укрывавших его валунов, как в стороне, из темных кустов, послышался негромкий резкий голос:

– Руки вверх!

Окрик был настолько неожидан, что Роман Петрович, не размышляя, прижался всем телом к теплой еще гальке. И тут же он услышал знакомый голос – окающий, округлый:

– Что такое?

– Не валяйте дурака, – все так же негромко ответил первый. – Вы пойманы, опознаны и сидите на прицеле десяти винтовок.

Роман Петрович отполз обратно, за камни, и положил руку на спину Гриньки. Мальчуган дрожал.

– Я протестую! – громко сказал Сергей, очевидно рассчитывая предупредить своих об опасности. – Кто вам дал право?..

– Молчать! – прошипели в кустах. Расплывающийся круг света от фонарика выхватил из темноты Сергея.

К нему подошел офицер-контрразведчик. За ним, с винтовками наперевес, – несколько солдат.

– Я хочу выяснить наконец... – по-прежнему громко начал Сергей. Договорить ему не дали. Роман Петрович услышал глухой удар, тяжелое дыхание, придушенные выкрики и грубые угрозы.

Теперь Роман Петрович понял, почему упорствовал Гринька, утверждая, что слышит шаги. Сейчас Гринька дрожал, но не от страха: на его глазах в лапы контрразведчиков попал человек вместе с письмом матери. Гринька уже не думал ни о провале поездки, ни о возможном аресте. Письмо! Оно было так близко и вместе с тем недоступно, уходило от него вместе с человеком, которого тащат связанным в кусты.

Контрразведчики с Сергеем скрылись в темноте.

Снова все притихло, кроме шума волн и трескотни цикад.

Сколько прошло времени? Минута? Десять? А быть может, и час? Никто не смог бы ответить. Слишком велико было напряжение.

С моря донесся слабый всплеск. Еще раз... Совсем, казалось, близко взвизгнуло весло в уключине. И сразу же из кустов послышался отчаянный крик Сергея.

Крик перешел в глухое мычанье.

Но и этого было достаточно. С моря ответил голос Христи Ставраки:

– Э-эй! Наза-ад! Э-эй!.. – Христия кричал громко, постепенно удаляясь от берега. – Э-эй!.. Засада-а!..

На берегу послышалась громкая брань.

По взбешенному, полному ярости голосу Роман Петрович узнал офицера. Рука невольно потянулась к браунингу, спрятанному в подкладке рукава. И остановилась.

«А кто сообщит нашим о провале? – подумал он. – Лежи, Роман! Влипни в камень. Сам окаменеешь, а товарищей предупреди...» От кустов отделилась группа людей. На фоне звездного неба четко выделялись их черные силуэты. Впереди – Сергей. За ним – офицер. Позади – несколько солдат с винтовками наперевес.

– Чего вы от меня хотите? – спросил Сергей.

– Прежде чем задавать вопросы, – холодно произнес офицер, – потрудитесь ответить, что привело вас сюда.

– Вышел пройтись, подышать свежим воздухом.

– Нам известно все: место назначения, ваши спутники и даже то, что спрятано в этой шаланде.

– Не выдумывайте. Ничего я не прятал и никуда не собираюсь.

– Быть может, вы не знаете Христю Ставранаки? – насмешливо спросил офицер. – И даже имени такого не слышали?

– Нет.

Голос Сергея звучал уверенно. Он понял, что офицер не знает ни кого он задержал, ни тех, кто собирались у шаланды, иначе он не стал бы запугивать задержанного, а сразу отвел бы его в тюрьму. Контрразведчик хотел дождаться других пассажиров шаланды, если они придут. А куда направлялась шаланда, догадаться было нетрудно. Все знали, что связь с плавнями коммунисты поддерживали морем. Но... контрразведчик назвал Христю Ставранаки. Значит, он все же что-то знает!

– Нам нужен ваш партийный билет, явки и пароль, – сухо потребовал офицер.

– Какой партийный билет? – развел руками Сергей и подумал: «Так и есть! Контрразведчик знает очень немного. Прощупывает меня. Партийный билет, явки и пароль они требуют у любого задержанного. Топорная, грубая работа».

– Если вы будете запираяться, – все так же ровно, не повышая голоса, продолжал офицер, – я не ручаюсь, что с вами по пути в тюрьму не произойдет несчастный случай.

– Я же вам русским языком сказал... – начал Сергей.

– Семенчук! – перебил его офицер. – Ко мне!

Один из солдат выступил вперед.

– Подойди поближе. Опусть винтовку. Ниже. Приставь ее к колену арестованного. Так. Если он сойдет с места хоть на шаг, стреляй. Без предупреждения. Понял?

– Так точно! – гаркнул солдат.

– Господин путешественник! – Офицер снова обернулся к задержанному. – Настоятельно советую вам подумать о своем поведении. Малейшее неточное движение, и вы останетесь без ноги.

Сергей молчал.

– Надеюсь, вы понимаете, что в темноте возможны всякие случайности. Скажем... нечаянный толчок. Вы сойдете с места, а солдат...

– Вы хотите сознательно искалечить меня? – перебил его Сергей. – Убить?

– Такие действия называются одинаково во всех карательных ведомствах мира: убит при попытке к бегству.

– Господин!..

– Даю минуту на размышление. Если через минуту...

Контрразведчик запнулся. Кто-то шел по берегу, насвистывая уличную песенку.

Рука Романа Петровича потянулась к Гриньке... и нащупала камень. Мальчика рядом не было. Это он шел прямо на замершую в ожидании группу.

Сергей замычал, схваченный сильными руками солдат.

Мальчишка метнулся в кусты и там наравался на тускло отсвечивающую полоску штыка. Рядом грохнул предупредительный выстрел. Короткая вспышка осветила пригнувшегося Гриньку. Ветерок донес к Роману Петровичу сладковатый запах пороховой гари.

– Брать живым! – крикнул офицер. – Живым брать!

Два солдата уже волокли кричащего Гриньку. Он вопил во все горло, отчаянно упирался, пробовал сесть на землю.

Солдаты подняли его и понесли, не выпуская из рук винтовок.

– Собрать людей! – приказал офицер. Резкая трель свистка вызвала притаившихся в темноте солдат. Медленно разгораясь, тускло светил фонарь «летучая мышь». В большой желтый круг света попали: Гринька, связанный Сергей, офицер, несколько солдат и высокий нос шаланды.

– Дяденька! – взмолился Гринька. – Я не буду! Ну ей-богу же не буду-у!

Офицер широко расставил ноги в мягких козловых ноговицах и пристально всматривался в Гриньку:

- Из молодых, да ранний!
- Ой, никогда больше... никогда не буду-у!
- Что не будешь?
- А ничего не буду-у!

Неожиданно офицер схватил мальчугана обеими руками за плечи и рывком притянул его к себе:

- Зачем ты шел сюда? Говори! Правду!
- Не буду-у! – сипло тянул Гринька.
- Скажи, зачем ты шел сюда, и я сейчас же отпущу тебя на все четыре стороны.
- Ночева-ать.
- На шаланде?
- Ага-а!
- И давно ты ночуешь здесь?
- Третью но-очь!
- Прекрасно! Прошлой ночью сюда пришли люди и спрятали на шаланде документы, бумаги. Понимаешь?

На этот раз контрразведчику удалось обмануть мальчугана. Гринька принял его выдумку о бумагах за правду. «Так или иначе, – думал он, – а надо, чтобы меня арестовали и в тюрьму увезли. Может, там мамку увижу...»

– Если ты найдешь документы, – продолжал офицер, заметив замешательство Гриньки, – я отпущу тебя сейчас же. Отпущу и дам кое-что.

Гринька, думая о «бумагах», перестал хныкать и спросил:

- А если найду... чего дашь?
- Что ты хочешь?
- Дашь?.. – Гринька задумался. – Дашь колокольчик?⁴
- Дам, – щедро пообещал офицер. – Ищи!

Гринька поднялся на шаланду. Сунулся в корму. Искал он там довольно долго, раздумывая, как ему быть. Потом приподнял рыбину.

– Долго ты будешь там копать? – прикрикнул офицер.

Не отвечая ему, Гринька полез на мачту.

За ним скользнул вверх луч карманного электрофонарика.

Мальчуган поднимался все выше, добрался до сигнального фонаря. Принялся раскручивать ржавую, скрипучую проволоку, прикреплявшую фонарь к флагштоку. Снял фонарь. Широко размахнулся и забросил его в море.

- Ой! – крикнул он. – Обронил!
- Снять его! – приказал офицер.
- Ой, дяденька-а!.. – затащил наверху Гринька.

Солдаты взялись за шаланду. Легкое суденышко качнулось. Заскрипела под днищем галька. Мачта наклонялась все ниже, вместе с мальчишкой, голосившим во всю ночь:

– Не буду! Ой, не буду больше-е!..

Два солдата скинули сапоги, рубахи и ныряли в темной воде, стараясь нащупать брошенный Гринькой фонарь.

Скрежеща по гольшам железными шинами, подкатила тачанка. Гриньку связали. В рот ему сунули подобранную в шаланде грязную тряпку, скверно пахнущую лежалой рыбой. Один из солдат легко поднял связанного мальчишку и положил его в кузов.

⁴ «Колокольчиком» называли деникинские тысячерублевые кредитные билеты, на которых был изображен Царь-колокол.

– Построиться! – подал команду офицер. Крепкие кони не стояли на месте. Они рыли копытами гальку, высекая мелкие белые искры.

– Оцепить тачанку! – приказал офицер. Медленно двинулась тачанка, окруженная солдатами с винтовками наперевес. Двигались молча. В темноте слышен был лишь скрип колес, шорох тяжелых шагов да нетерпеливое фыркание коней, сдерживаемых сильной рукой ездового. А яркие южные звезды спокойно отсвечивали на стволах винтовок.

* * *

...Едва затих шум, Роман Петрович подхватил обе корзины и быстро направился к городу.

Пробираться в темноте через кусты было тяжело. Пришлось припрятать корзины в колючем терновнике, а самому поспешить к Акиму Семеновичу. Надо было спешно предупредить товарищей о провале. И опять, как несколько дней назад, в ушах у него настойчиво звучала задорная боевая песенка Гриньки.

За минувшие дни Роман Петрович успел привязаться к смелому мальчонке, оценить его горячее сердце. Особенно его трогала любовь Гриньки к матери, толкавшая мальчонку на отважные поступки. Так любить мог только хлопчик с хорошей, искренней душой. Роману Петровичу казалось, что именно он-то и виноват в случившемся. Кто настаивал на том, чтобы Гриньку вывезли из города? Кто остановил «мамашу», когда она пожелала оставить хлопчика у себя? Что сказать ей? Как объяснить то, что произошло на взморье? Как ни объясняй, легче не станет.

Приближаясь к знакомой камышовой крыше, Роман Петрович, сам того не замечая, несколько замедлил шаг. Он старался не думать ни о Гриньке, ни о «мамаше». Сейчас надо было предупредить товарищей о провале Сергея и выяснить, случайной была облава на взморье или контрразведчики пронюхали о поездке.

...Аким Семенович дремал за столом, не выпуская из зубов своей люльки. Стук двери разбудил его. Медленно приподнял он старчески припухшие веки. И сразу его будто встряхнул кто. По внешнему виду Романа Петровича, по его изорванной в кустах косоворотке старый моряк понял: произошло что-то неладное. Взгляд его будто подгонял Романа Петровича: «Что случилось? Не тяни. Говори сразу».

Но Роман Петрович остановился, чувствуя, что не может произнести ни слова. Из-за широкой спины Акима Семеновича поднялась Анастасия Григорьевна. «Мамаша» ждала здесь вестей с моря. И она первая поняла: плохие вести.

Встретились

Лежа в кузове тряской тачанки, стиснутый пахнущими дегтем грубыми сапогами конвоиров, Гринька притих. В глухом стуке колес ему все время чудилось одно и то же слово: «Арестант! Арестант! Арестант!»

Тачанка загрохотала по мощенному булыжником шоссе. Голова Гриньки подскакивала на дне кузова. Тряска и толчки мешали думать о возможной встрече с матерью. Хотелось лишь одного: поскорее выбраться из-под солдатских сапог. Только раз Гриньке удалось приподнять голову. Он увидел нависшие над шоссе черные кроны деревьев и вдалеке несколько желтых прямоугольников окон.

...Тачанка остановилась. Завизжали железные петли. Колеса загрохотали под сводчатыми воротами с грязной, местами облупившейся штукатуркой.

Гриньку сняли с тачанки. Грубые руки освободили его от веревок. Вонючая тряпка вывалилась изо рта еще дорогой, от тряски. Развязанный мальчуган еле стоял. Затекшие руки и ноги стали непослушны и тяжелы.

Один из конвоиров повел Гриньку вдоль длинного кирпичного строения. Когда-то здесь помещались склады. Контрразведка превратила старые, добротные выстроенные купеческие склады в тюрьму.

Гринька шел, озираясь по сторонам. Так вот какая тюрьма!

Его вели узким мощеным двором, между низким кирпичным зданием и высокой дощатой стеной. На здании еще сохранились старые надписи: «Езда шагом», «За курение расчет». Оконца, пробитые почти под крышей бывшего склада, были так малы, что их даже не прикрыли решетками. В такое оконце не пролез бы и ребенок. Увидеть же изнутри здания можно было лишь застреху да узкую полоску неба. Проход освещали большие керосиновые фонари, укрепленные на железных крюках, вделанных в кирпичные стены. Возле них стояли часовые с винтовками.

Гриньке не удалось осмотреть двор как следует. Сильная рука конвоира завернула его в двустворчатую дверь. Неширокой лестницей поднялись они на второй этаж и остановились в пустынной комнате, освещенной большой электрической лампочкой.

– Садись! – приказал конвоир.

Гринька чинно опустился на единственную скамью.

Солдат-конвоир неприязненно покосился на него, достал из-за голенища короткую трубку с потемневшим медным колечком и принялся набивать ее махоркой.

Гринька осмотрелся. Комната была просторна и хорошо освещена. Окна и двери – высокие и чисто вымыты. Стало легче. Он ожидал увидеть в тюрьме какие-то особенные коридоры – узкие, темные, длинные, с выходящими в них дверями, окованными железом. Здесь же было просторно, светло, и даже кто-то совсем близко брэнчал на мандолине.

Ждать пришлось долго. Но вот в дверях появился комендант тюрьмы – высокий, тощий офицер с орденом, подвешенным к жесткому стоячему воротнику.

Конвоир звякнул подковками и вытянулся, ожидая приказаний.

Офицер махнул рукой:

– Веди!

Пряча в кулак непогашенную трубку, солдат подтолкнул мальчугана в открытую дверь, а сам остался в большой комнате.

С трудом переставляя внезапно отяжелевшие ноги, Гринька переступил порог кабинета. Он стоял перед комендантом тюрьмы. Разделял их огромный письменный стол. На столе лежали бумаги и синие папки с черными завязками. Из-под бумаг выглядывал вороненый ствол нагана с большой полукруглой мушкой.

– Подойди поближе, – приказал комендант.

Гринька нерешительно шагнул к столу и остановился.

Они настойчиво, не отводя глаз, разглядывали друг друга – белобрысый лобастый мальчонка, вцепившийся тонкими пальцами в краешек стола, и пожилой офицер с треугольным плоским лицом и припухшей, будто ушибленной верхней губой.

Комендант еле заметно улыбнулся. И Гринька широко ухмыльнулся. «Отпустит! – подумал он. – Ей право же, отпустит, вражий нос! Ну на что я ему сдался?»

– Скажи, – обратился к нему комендант, почесывая на щеке красную круглую родинку, похожую на клопа, – почему ты забросил в море документы?

– Документы? – Гринька простодушно поднял брови. – Какие документы?

– Документы, которые были спрятаны в фонаре.

– В фонаре? – Деланое удивление мальчугана все росло. – А там ничего и не было.

– Не было? – Комендант откинулся на спинку стула, присматриваясь к мальчугану. – Зачем же ты забросил фонарь?

– Я не бросал его. Обронил. Качнуло меня... и обронил.

– Качнуло, говоришь?

– Лопни глаза, качнуло! – осмелел Гринька. – Мачта зыбкая. На земле-то ничего ветерок, а наверху мотает ой-ой! Да вы зря на меня так глядите. Завтра волна выбросит фонарь на берег. Сами увидите. Пустой он. Вовсе пустой. Даже свечки в нем не было.

– А ты, я вижу, парень разговорчивый.

– Ничего! – охотно согласился Гринька. Комендант уже не казался ему страшным.

– Шутник!

– Шутник! – улыбнулся Гринька.

Комендант встал за столом и неожиданно скрипучим, каким-то жестяным голосом спросил:

– А тогда... в Общественном собрании... ты тоже шутил?

Гринька растерялся.

– Что ж молчишь? – холодно бросил комендант. – Отвечай.

Гринька стоял бледный, поникший. Никак не ожидал он, что его узнают. И так быстро! Сразу припомнилось, как предупреждали его Роман Петрович и Анастасия Григорьевна...

Тюремщик увидел, что мальчуган растерялся. Не давая ему опомниться, он сел, придвинул к себе лист чистой бумаги, аккуратно обмакнул перо в чернильницу. Делалось это уверенно, словно Гриньке только и оставалось рассказать все, что он знает.

– Начнем с того... – комендант попробовал перо на бумаге, – что ты расскажешь, кто тебя ждал у шаланды.

Гринька насупился и принялся внимательно разглядывать свои ногти. Были они, как и всегда, розовые, блестящие, с белыми пятнышками – «счастьем».

– Ну! – резко поторопил его комендант. Он знал свое дело, тощий тюремщик с пухлой, словно ушибленной верхней губой. Молча, не спуская с мальчугана холодного взгляда, он ждал ответа. Молчание его давило Гриньку больше, чем любые угрозы и крики. Однако давать допрашиваемому думать не полагается. Поэтому, не слыша ответа, комендант повел допрос иначе. – Впрочем... – Он положил ручку на место. – Начнем мы с того, что ты споешь мне песенку, которую пел тогда... в Общественном собрании. Помнишь?

Гринька понял: над ним смеются. Он стоял с опущенной головой и поникшими плечами. Нижняя губа его опустилась. Казалось, вот-вот – и он разревется во все горло, по-ребячьи.

Комендант следил за ним, ждал, когда арестованный «дозреет». Тогда он живо сломит ослабшего мальчонку и вытянет из него все.

И вдруг... Гринька, ловко пришлепывая ладошками о поднятое колено, дерзко, глядя прямо в лицо тюремщику, срывающимся от волнения голосом запел свою боевую песенку:

Эй вы, буржуи! Отдайте-ка мильены,
Теперь наш-ше право и наши законы...

Коменданта словно отбросило к стене. Задержанный и уличенный мальчишка посмел здесь, в комендатуре тюрьмы, пропеть песенку, за которую его искали по всему городу! Офицер ударил кулаком по столу, хотел прикрикнуть... и осекся. Да ведь он сам приказал мальчишке петь!

А Гринька, выколачивая такт по колену, выкрикивал все с большим азартом:

Эй вы, буржуи! Намажьте салом пятки.
Пока еще не поздно – тикайте без оглядки.

В приоткрытую дверь заглянул конвоир. Много слышал он в этих стенах, но чтобы задержанный пел на допросе – такого еще не случалось. От удивления солдат даже позабыл вытащить из зубов трубку и дымил в кабинете некурящего коменданта вонючей махоркой.

На его счастье, коменданту было не до трубки. Офицер сообразил, как глупо выглядит сейчас он в глазах солдата, и, еле сдерживая себя, жестко приказал конвоиру:

– В особую камеру. Веди.

И тут же, быстро обойдя стол, отстранил рукой подскочившего к Гриньке конвоира и злобно процедил:

– С тобой очень желает познакомиться поближе генерал Тугаевский. Знаешь такого? Он даже выразил желание лично допросить тебя.

Комендант остановился, наблюдая, как примет это грозное известие дерзкий мальчишка.

Гринька весь напыжился – выпятил грудь, широко расставил ноги, – очень уж хотелось ему показать тюремщику, что парень он отчаянный, такого и генералом не испугаешь. Все равно его опознали. Терять-то больше нечего. Хотелось сказать этому тощему офицеру с прыгающим под воротником орденом что-то обидное; такое обидное, чтоб на всю жизнь запомнилось злодею. Тут Гринька вспомнил, что этот же тюремщик допрашивал его мать, быть может, издевался над ней. Он вспыхнул от гнева... и не мог подобрать ни одного обидного слова. Все выскочили из головы!

А солдат уже взял его за плечо. Но уйти от врага и не ответить ему Гринька не мог. Он презрительно сплюнул в сторону и сказал коменданту первое, что пришло в голову, сказал важно, как равный равному:

– Будь жив, парнишка!

Конвоир грубо повернул его и ударил коленом в спину:

– А ну иди-и!..

Придерживая руками ноющий крестец, Гринька вылетел из кабинета. Остерегаясь второго удара, он невольно пробежал пустынную комнату с одинокой скамьей у стены. На лестнице он остановился, все еще морщась от боли.

Из темноты к нему подошел какой-то офицер и посмотрел на него так, что Гринька невольно попятился назад. Это был высмеянный им в Общественном собрании капитан Бейбулатов...

«Так вот почему комендант тюрьмы не назвал фамилию офицера, арестовавшего нас! – догадался Гринька. – Вот кто узнал меня. Наверно, по голосу. Вот это влип!»

В камере

Конвоир подтолкнул Гриньку через порог. Толстая дубовая дверь закрылась. За спиной лязгнул засов.

Большая камера освещалась одной тусклой лампочкой, ввинченной под самым потолком. Прикрывающая ее металлическая сетка была густо заткана паутиной, покрытой толстым слоем пыли. Издалека казалось, что лампочка вставлена в матовый грязный колпак. Свет ее был настолько слаб, что таял, не добираясь до дальних углов, и оттого камера казалась больше, чем была на самом деле.

Примерно половину помещения занимали выстроенные в два яруса нары. У двери стояла «параша» – опиленная наполовину бочка, распространявшая страшное зловоние.

На нарах пели вполголоса:

Вечерний звон! Вечерний звон!
Как много дум наводит он...

– А ты як попал до нас? – окликнул Гриньку с нар рыжебородый пожилой казак.
– Арестовали, – ответил Гринька и почему-то добавил: – Сам не знаю за что.
– Не знаешь? – Станичник удивленно разглядывал мальчонку и ворошил тугую, жесткую бороду. – Так, так! Не знаешь!

– А тебя за что взяли? – в свою очередь, спросил Гринька.
– За чалого жеребчика.
– Как это – за жеребчика? – не понял Гринька.

Старый казак обрадовался собеседнику и охотно принялся рассказывать историю своего ареста.

– Пришли до мене чекалкины⁵ души куплять коней для той армии.
– Белогвардейской, – подсказал Гринька.
– Эге ж! Добровольческой, – повторил казак. – Шоб ей ни дна, ни покрышки, той Добровольческой. Приступили до мене: «Продай жеребчика чалого. А не продашь добром, так мы силой возьмем». И пошли зараз до конюшни.

– Отнять хотели? – догадался Гринька.
– Снял я со стены дилову рушницу⁶, – продолжал старый казак, так и не ответив Гриньке, – и сказал им так: «Мои дида и батько цей рушницей Кавказ под царскую руку привели. Отстоит она и мое добро».

– А они что? – заинтересовался Гринька.
– Забрали чалого. И меня взяли, – ответил казак. – Сижу я тут який уж день... А в степу пшеница осыпается. Бахча перестояла.

Умолк старый казак. Уставился неподвижным взглядом в грязную стену. Не видел он ни облупившейся штукатурки, ни карандашных надписей на стене. Перед глазами его стояла хата с навалившейся на крышу тяжелой кроной старой груши. Он слышал звенящий шелест сухой, перестоявшей пшеницы и, медленно покачивая большой нечесаной головой, приговаривал:

– Пропала пшеница! Бахча перестояла! Порушилось хозяйство!..

Он забыл о Гриньке, тюрьме, соседях по нарам.

⁵ Чекалка – шакал.

⁶ Рушница – ружье.

Нет! Совсем не того ожидал Гринька, когда его вели в камеру. «Здесь, – думал он, – встречу большевиков, распевающих боевые песни». Что же оказалось? Поют о каком-то вечернем звоне! Станичник занят думами о чалом жеребчике.

Подальше на нарах сидели и лежали люди. Их лица смутно маячили в полумраке. Кто они? Помогут ли повидать мамку? Да и могут ли чем-нибудь помочь?

В стороне несколько человек вели неторопливый тюремный разговор. Придвинулся к ним поближе и Гринька.

– ...Вывели их на кручу. Над рекой.

– Знаю...

Рассказчик – солдат с одутловатым бабьим лицом – сидел, обхватив руками худые, острые колени. В сумраке выделялись его неестественно белые босые ноги и штрипки летних брюк.

– Поставили их в ряд, – продолжал он, – всех семерых. Казнить стали по очереди. Одного казнят – другие смотрят. Второго казнят – обратно остальные смотрят...

– Да как же это?... – не выдержал Гринька. – Их убивали по одному, а они что?

– Кто – они? – переспросил рассказчик, всматриваясь в Гриньку.

– Ну те, которых казнили! – вспыхнул Гринька. – Да пускай меня только тронут – я... я зубами в них вцеплюсь!

Он разгорячился и не заметил, как проснулись соседи, обернулись к нему. Даже с верхних нар свесились головы любопытных.

– Неужели так они и сидели здесь, покуда их не вывели на кручу? – не унимался Гринька. – Голубь на что тихая птица, а и та, когда берешь ее с гнезда, крылом бьет. А то ж люди!..

– Когда ведут под ружьем, ничего ты зубками своими не поделаешь, – уверенно пояснил рассказчик.

– Сделаю! – Гринька разгорался все больше, забыв, где он находится. – Сделаю! Не боюсь я их!

– А кто не боится, – внушительно возразил ему солдат, почесывая поясницу, – тот должен уметь помереть с честью.

– С честью? – разозлился Гринька. – Баран умеет помирать с честью! Его, дурака, кинжалом режут, а он только курдюком мотает. С честью!

– А ведь парнишка прав!

Все посмотрели в сторону, откуда прозвучал голос – окающий, чуть поющий. Гринька узнал этот голос. Сразу вылетел из головы спор о чести. Хотелось спросить, немедленно, сейчас же, где обещанное письмо. Но он уже понял, что в тюрьме следовало быть осторожным. Опасно было выдавать свое знакомство с большевиком, не зная, кто сидит рядом на нарах. Нельзя же доверять казаку, думающему только о своем хозяйстве! Но если б кто знал, как трудно было Гриньке сдержаться!..

– Меня вот тоже удивляет, – неторопливо начал Сергей, – как могут люди сидеть в тюрьме и ждать, пока с ними расправятся.

– Я извиняюсь! – обратился к Сергею из темного пространства в глубине нар сладенький голосок. – Вы не из адвокатов будете? А то заметьте себе, между прочим, для памяти: тут защитников не полагается. Законы и суд в наше время простые: одних – за дверь, других – в расход.

– Тем более! – живо откликнулся Сергей.

– Чего ж ты сам тут сидишь? – перебил его дрожащий, нервный голос. – Попробуй, уйди.

После срывающихся, злых слов ответ Сергея прозвучал особенно спокойно и уверенно:

– На своем веку мне довелось повидать разных людей. Встречал я храбрецов и трусов, хороших товарищей и шкурников. Но впервые вижу, чтобы люди были так беспомощны, подавлены, как здесь...

– Позволь, приятель!.. – остановил Сергея солдат с бабьим лицом.

– Да, да! Подавлены! – настойчиво повторил Сергей. – А ведь этого только тюремщикам и надо. Ради этого они поведут нас завтра на кручу, заставят смотреть, как будут казнить таких же, как и мы с вами.

– Ты-то почему знаешь, что поведут? – спросил солдат.

– Знаю. Тюремный телеграф сообщил.

Из сумрака несколько голосов подтвердили:

– Верно, верно! Поведут!

– Мы с вами не ребята, – продолжал Сергей, – знаем, куда попали и что нас ожидает.

На верхних нарах кто-то заворочался так, что заскрипели наспех сколоченные доски. Показалась черная кудлатая голова, за ней – широкие, округлые плечи в полосатой тельняшке и наброшенном сверху измятом бушлате. Матрос прислушался к словам Сергея. Лицо его, обросшее черной жесткой щетинкой, было серьезно.

Сергей говорил тише. Теперь слушали его внимательно.

– Люди бегали и не из таких тюрем. Из питерских «Крестов» бегали, из орловского централа, даже из московских Бутырок...

– Хорошо было бегать в царское время! – мечтательно протянул сладенький голосок. – Бывало, удрал – твое счастье. А попался – добавят за попытку к бегству годик, и сиди кукарекай, жди нового случая. А теперь? Только сунься, а тебя пулей в лоб.

– Что ж, – сухо возразил Сергей, – если вы чувствуете себя здесь лучше, чем на воле, дело ваше. Сидите.

– Прежде чем мы разберемся, кому где лучше, – ответил голосок, – надо нам познакомиться поближе. Меня зовут Франек.

Из темной глубины нар появилось помятое, безбородое лицо, острый, с горбинкой носик и старательно расчесанные на прямой пробор жидкие светлые волосики. Странное лицо! На вид ему можно было дать и двадцать пять лет, и все сорок.

– Вы, собственно, по какому делу здесь? – спросил Сергей.

– Несчастный случай! – ответил Франек. – Попался! Снимал с одной бабочки пальтушку. Она крик подняла. Пришлось ее... успокоить. Потом, когда меня взяли, оказалось, что я прикончил жену какого-то подполковника. Несчастный случай!

Гринька изумленно таращил глаза на будто жеваное, серое лицо Франека и его ровный, зализанный пробор. Мальчуган всегда думал, что бандиты – люди огромного роста и воловьей силы, с громоподобным голосом и уродливой, зверской физиономией. Этот же человечек с каким-то сдавленным голоском и неприятной, деланой вежливостью казался слабым и уступчивым.

– Давай, браток, устраивайся на ночь возле нас, – прогудел глубоким, грудным басом молчавший все время черный матрос, обращаясь к Сергею. – Тут народ подобрался сурьезный: морячки да подозреваемые в большевизме.

– Вот и меня подозревают в том же! – ответил Сергей и бросил наверх свой пиджак.

На вторых нарах потеснились и пустили Сергея.

Полез за ним и Гринька.

– А я тебя знаю, – шепнул он.

– И я тебя знаю, – так же шепотом ответил Сергей. – Но не смей и виду подавать, что знаешь меня. Так надо.

– А ты, салажонок, – вмешался в их беседу черный матрос, – устраивайся в другом месте. Тут места плацкартные!

Сергей поймал тревожный взгляд Гриньки.

– Ложись, спи, – сказал он. – Мы с тобой утречком потолкуем.

Гринька уже не чувствовал себя одиноким. Присмотрел он себе местечко рядом со старым казаком и стал устраиваться на ночь.

Станичник громко чмокал во сне губами, будто понукал коня. Иногда он принимался ожесточенно скрести бороду. Жесткие волосы громко шуршали под его крепкими ногтями.

Засыпая, мальчуган видел, как Сергей и черный матрос спустились с верхних нар и исчезли в сумраке среди спящих. Очень хотелось ему узнать, почему они не спят, что замышляют. А веки слиплись... Не разжать их...

Разбудил Гриньку зычный оклик:

– Подымайсь!

С трудом открыл он глаза. Спросонок даже не понял, где находится и кто кричит сорванным, хриплым голосом:

– На поверку стройся!

Протирая кулаками глаза, Гринька сполз с нар.

Заключенные построились в две шеренги – лицом к двери. На правом фланге, по привычке развернув широченную грудь, туго обтянутую рваной тельняшкой, стоял огромный черноволосый матрос. На левом виднелась невозмутимо вежливая физиономия Франека. За ним, последним, пристроился Гринька.

У дверей стояли четверо солдат. Один из них, пожилой, имел на красном погоне три белые нашивки – старший унтер-офицер. Остальные были помоложе – рядовые.

– На молитву шапки долой! – приказал старшой.

Десятки рук недружно взлетели вверх и обнажили головы. Несколько голосов нестройно повели мотив молитвы:

– «Отче наш! Иже еси на небесех, да святится имя твое...»

– Дружнее! – прикрикнул унтер-офицер. – Послушать вас, чертей, так большевиков в камере нема, а молитву петь некому!

Окрик его подогнал кое-кого из заключенных. Торжественный мотив молитвы зазвучал стройнее, заполнил затхлое, вонючее помещение:

– «...да приидет царствие твое, да будет воля твоя...»

Под шумок Франек пропел Гриньке, широко раскрывая рот, будто был очень увлечен пением молитвы:

– Дер-жись, па-цан, во-зле нас. Дело бу-у-удет.

И, поймав на себе недоверчивый взгляд унтер-офицера, запел по-настоящему.

Один матрос, на правом фланге, стоял с крепко сжатыми губами. По его черным горячим глазам было видно: такого, что ни делай, молитву петь не заставишь.

Унтер-офицер выждал, пока закончилось пение, надел фуражку и крикнул:

– Староста!

Из строя вышел высоченный верзила – тощий, нескладный. Его арестовали в памятный для Гриньки вечер в Общественном собрании. Верзила упорно запирался, не признавал себя виновным в разбрасывании листовок, спорил с уличавшими его свидетелями. Свой арест он простодушно объяснял недоразумением.

– Меня еще мальчонкой вечно наказывали за других, – уверял он. – Сами видите, какой я человек: заметный! В школе, бывало, кто бы чего ни натворил, а меня за ухо. Такого, как я, издали видно и ухватить легче. Да я и сам привык уже, что мне попадает за других.

Заметного человека назначили старостой камеры. Трудно было понять: был ли этот нескладный парень с добродушными выпуклыми глазами простоват или же плутоват, робок или смел. Свои обязанности он выполнял хорошо. Начальства не боялся. Это помогало ему скрывать от тюремщиков то, что надо было скрыть из происходившего в камере. А если надзиратель узнавал что-либо стороной, староста огорчался так искренне, что начальство погрозит только пальцем и скажет:

– Ты, староста, слухай. Слухай больше! Эвон какими тебя господь лопухами наградил! Ими слушать надобно, а ты хлопаешь.

Немногие из заключенных догадывались, что староста – свой человек. С ним всегда можно было сговориться. И они незаметно поддерживали старосту, когда ему приходилось трудно.

Унтер-офицер уставился своими крохотными, тусклыми глазками на вытянувшегося перед ним старосту:

– Наряжай людей!

Староста пошел перед строем, показывая пальцем:

– Этот и этот – нужник чистить. Солдат с матросом – парашу выносить. Эти двое – убирать камеру.

Из строя вышли: Франек, черноволосый матрос, Сергей, солдат-дезертир с бабьим лицом и какой-то молодой парень с лицом в старых, уже пожелтевших синяках.

– А ну... господа комиссары, – ухмыльнулся унтер-офицер, – бери парашу в обнимочку – и гулять.

Это была его единственная шутка. Повторялась она каждое утро.

Покончив с нарядом, унтер-офицер обратился к заключенным с такой речью:

– По приказанию их высокоблагородия господина начальника арестного дома подполковника Май-Бороды... – Он перевел дыхание и внушительно помолчал. – Предупреждаю всех: имеется приказ свы-ше! – Опять грозное молчание. – Приказ таков: разобраться с подследственными в двое суток. Стало быть, кого куда пустить. Сегодня еще можете подумать. А завтра начнется разборка. А чтобы думалось вам полегче, поведут вас сегодня на кручу. Поглядите там, как расправляются у нас с изменниками отечеству. Это будет для вас, чертей, и прогулка и образование.

К концу этой длинной речи лоб унтер-офицера покрылся частыми капельками пота.

– Вот тебе, староста, список. – Он протянул лист, исписанный крупным почерком. – Тут обозначены все, кто пойдет к месту казни. Остальным сидеть в камере тихо. Просьбами караулу не докучать, потому как для вас, чертей, нянек не положено. Понятно?

– Так точно! – вразброд ответили арестанты. – Все понятно!

Староста заглянул в полученный список и объявил, что из сорока шести заключенных в камере на кручу пойдут тридцать два.

Унтер-офицер еще раз окинул мрачным взглядом строй и вышел. За ним, гулко топая сапогами, направились и солдаты. Заключенные подхватили парашу и потянулись за конвоем.

По-прежнему тускло светила под потолком лампочка, вся в паутине, как в грязном матовом колпаке. На дворе светало, но крохотные оконца пропускали в камеру так мало света, что электричество горело здесь круглые сутки. Двое заключенных возили по сухому полу пучками истертых прутьев, заменявших им метлу. С пола клубами поднималась удушливая, вонючая пыль.

Первыми вернулись в камеру матрос и солдат с бабьим лицом. Они втащили опорожненную парашу. Позднее пришли Сергей и парень с лицом, покрытым синяками. Все они собрались в углу. Солдат подошел к нарам и стал опоражнивать карманы шинели, туго набитые золой. За ними и остальные стали выкладывать из карманов песок, пыль – кому что удалось набрать.

– Все! – сказал матрос. – Подходи. Разбирай.

Заключенные подходили к горке золы, смешанной с песком. Каждый брал по две полные горсти и отходил в сторону. Некоторые не жалея примешивали к золе с песком остатки растертого в пыль табака, приговаривая:

– Так крепче будет.

Сунулся было к песку и Гринька.

– Не тронь, салажонок, – остановил его матрос. – Твое дело особое.

– Почему особое? – взъерошился Гринька. – Да я сам...

Сергей мягко, но сильно обнял его за плечи и отвел в сторону.

– Поведут нас по дороге, – сказал он. – Держи ушки на макушке. Как услышишь свист – беги. Да так лупи, чтобы зайцы от зависти покраснели...

Перебил его матрос.

– Отставить разговоры! – бухнул он глубоким, грудным басом. – Справки переносятся на завтра.

Он вышел на середину камеры и властно бросил:

– Садись!

Заключенные расселись по нарам. В камере стояла такая тишина, какой не бывало даже ночью.

– Ты, ты и вот ты, – стоя посередине камеры, матрос показал пальцем на троих заключенных, – ложитесь спать.

– Да мы что, – обиженно протянул один из них, – стукачи, что ли?

– Были бы вы предатели, – хмуро ответил матрос, не повторяя воровского слова, – мы бы из вас сделали покойников. Помните Ваську Бугая?

– Бугай – шкура! Своих продавал! – нестройно возразили обиженные. – А про нас кто скажет?..

– Спать! – резко оборвал их матрос. – Спиной к двери. И если кто взглянет только на надзирателя или конвойного... больше не увидит он белого света. К каждому из вас наш человек приставлен. Запомните! В камере мы закон и мы судьи.

Прощай, город!

Ночь после облавы была тревожной. Уже перед рассветом к Роману Петровичу пришел Христя. Трудно было узнать веселого, разговорчивого рыбака. Неподвижно сидел он возле окна, посматривая из-под занавесок на пустынную улицу. Даже черные, задорно выющиеся волосы его как будто поблекли после минувшей беспокойной ночи.

...Вчера окрик Сергея вовремя предупредил Христю об опасности. Он налег на весла и поспешил прочь от шаланды.

Неподалеку от поселка Христя загнал лодку в камыши. Раздвигая перед собой сухие, звонкие стебли, выбрался на берег. Издали он увидел, что окна его хаты освещены необычно ярко.

Укрываясь за плетнями, Христя осторожно пробирался к дому. Возле знакомой изгороди с надетыми на колья глиняными крынками он задержался, обдумывая, как бы не нарваться на засаду. И тут в вечерней тишине необычайно громко прогрехотала по иссохшей земле пустая бочка.

«У нас! – отметил про себя Христя. – Во дворе».

И услышал тоненький голос сестренки Нади:

– Тузик! Тузик!

«Какой Тузик? – насторожился Христя. – Собаки у нас нет. И почему Надя зовет собаку в чужом саду?» А зов сестренки звучал тревожно, предостерегающе:

– Тузик! Тузик! Тузик!

Перебегая от дерева к дереву и зорко всматриваясь в темень, Христя скоро заметил на прогалине тонкую фигурку сестренки:

– Надя!

Девочка бросилась к нему. Срывающимся от волнения голосом рассказала она, что в хату пришли солдаты. Раскидали постели. Из сундука вывернули на пол белье и зимнюю одежду. Даже домотканые коврики со стен посрывали. Что-то ищут. А офицер все спрашивает: «Где Христя?» Сейчас солдаты добрались до сарая. Все выбрасывают во двор, осматривают с фонарями. Двое солдат пробуют лопатами землю в сарае и за домом. Мама перепугалась, заплакала, а потом шепнула, чтобы Надя пошла в соседский сад и там звала какую-нибудь собаку. Христя услышит и поймет, что к дому подходить нельзя.

Христя не стал расспрашивать девочку. Что она могла знать? Желая успокоить сестренку, он крепко обнял ее и сказал:

– Ступай домой. Скажи маме: все будет хорошо. А в хату мне возвращаться нельзя.

Христю обыск не беспокоил. Он был всего лишь связным, а потому в хате у него ничего запретного не было.

И все же дело обернулось скверно.

Садами и огородами выбрался Христя из поселка. Поднял воротник брезентовой куртки и зашагал напрямик, убранными полями, в город. Всю дорогу ему не давала покоя назойливая мысль: как могло случиться, что возле его шаланды оказалась засада? Почему пришли в его дом с обыском?

Думал об этом не один только Христя Ставраки. Партийный комитет ночью поднял на ноги всех, кто мог чем-либо помочь организации выяснить причины провала.

Разобраться в этом помог комитету денщик капитана Бейбулатова. Не раз уже этот веснушчатый и внешне простоватый солдат передавал подпольщикам все, что удавалось ему услышать, когда Бейбулатов болтал с приятелями за бутылкой вина. На этот раз денщик услышал о том, что контрразведка напала на след экспедиции в плавни.

...Когда Роман Петрович сообщил Христе, что ему поручено перебросить в плавни, а затем и в Ростов-на-Дону Сергея и Гриньку, Христя вернулся домой и принялся чинить парус. Нина увидела мужа за работой и удивилась. Куда он собирается? Зачем? Ведь завтра день рождения дяди Кости. Неужели Христя не пойдет на семейный праздник, обидит дядю?

Христя и сам не помнил, что ответил жене. Потом настойчивость Нины рассердила его. Он прикрикнул на нее и решил, что этого достаточно. Оказалось же совсем не так.

Нина уже давно была недовольна тем, что Христя иногда надолго исчезает из дому. Возвращается он из своих поездок усталый, довольный, но без рыбы и денег. Попробовала как-то Нина узнать, где он бывает. Христя отшутился, ничего толком не сказал. Тогда Нина решила, что муж ее ездит в Керчь погулять с друзьями. Скрепя сердце она помалкивала. Но на этот раз поведение мужа ее обидело. Почему она должна идти на семейный праздник одна, когда у нее есть муж? Нина побежала жаловаться родственникам, подругам.

Слух о близком отъезде Христи дошел до контрразведки. Там о его путешествиях были осведомлены лучше, чем Нина. Контрразведчики знали, что рыбацья шаланда «Кефаль» несколько раз уходила в море на длительные сроки и в сторону от разрешенных властями мест лова рыбы. Знали, что ни в одной из азовских или ближайших черноморских стоянок «Кефаль» не появлялась. Припомнили, что Христя Ставранакис – бывший военный моряк, служил в Севастополе в «неблагонадежном» экипаже. Его взяли под наблюдение. И сейчас, когда пошли слухи о новой поездке Христи, в контрразведке решили организовать облаву. Был нанесен двойной удар – на побережье и в доме Ставранакиса.

Нину арестовали. Вызвали в контрразведку и друзей Христи. Все они горячо отрицали всякую возможность близости Христи с большевиками. Но куда он ездил раньше и где скрывается сейчас, никто сказать не мог.

– Загулял, должно быть, – неопределенно отвечали рыбаки. – А теперь испугался и прячется. – И тут же поясняли: – Одно дело – жена сердает, другое дело – тюрьма скучает.

Выяснив это, комитет решил, что все имевшие какое-либо отношение к провалившейся поездке должны немедленно скрыться из города. Надо было сразу отрубить ниточку, за которую удалось ухватиться контрразведке.

Уехать должны были Христя, поддерживавший с ним связь Роман Петрович и «мамаша». Чтобы окончательно замести следы, решили оставить на пустынном берегу одежду Христи и распустить слух, что он утонул, купаясь в море.

Отъезд назначили на завтра. Соседям «мамаша» сказала, что едет к сестре, в Баку. Рано утром она, Роман Петрович и Христя должны были разными дорогами выйти из города. В пяти верстах от окраины, на условленном месте побережья, их будет ждать прогулочная шлюпка. А дальше, как говорил Христя, море не выдаст.

Тяжелее всех было «мамаше». Ей приходилось расставаться с домом, где она жила со дня замужества. Здесь она растила своих сыновей. Каждая вещь в доме была связана с каким-либо семейным событием. Блестящий никелированный самовар приобрел старший сын на деньги, полученные за спасение утопающей дачницы. Будильник купил младший на свой первый самостоятельный заработок. Круглое зеркало – подарок мужа к свадьбе. Швейную машину приобрели сыновья вскладчину и подарили матери перед уходом на войну.

Перебирая вещи, Анастасия Григорьевна как бы перебирала всю свою долгую жизнь, с ее радостями и огорчениями. И все это придется через несколько часов оставить здесь и, быть может, больше не увидеть.

С собой «мамаша» взяла лишь три конверта с траурной рамкой. В них хранились извещения о гибели сыновей.

Побег

Во дворе тюрьмы, кроме тридцати двух заключенных из особой камеры, собралось еще человек сорок. Несколько позднее вывели из соседнего корпуса шестерых женщин.

Сергей заметил, как Гринька насторожился, и крепко взял его за руку.

– Пустите! – шепнул Гринька. – Я только спрошу.

– Не ходи. – Сергей сжал его плечо. – Твоей матери в тюрьме нет.

– Как – нет? – опешил Гринька. Он хотел спросить еще что-то, но Сергей опередил его:

– Ее нет в тюрьме. Где она? Это знает Роман. Вырвемся отсюда – спросим у него. Больше я ничего не знаю.

Гринька нетерпеливо всматривался в женщин, сбившихся в кучку. Все они были молоды, в простеньких измятых платьях. Очень хотелось Гриньке подойти и спросить, не видели ли они его мать. Но уверенное приказание Сергея властно держало его на месте. Последние дни убедили мальчугана, что друзья его зря ничего не говорят.

– По четыре стройся! – подал команду Бейбулатов.

Сергей потянул Гриньку в медленно строящуюся колонну. Рядом с ними оказался черноволосый матрос.

– Тут еще наша братва есть, – тихо прогудел он Сергею. – С «Андрея Первозванного» трое и душ восемь с других судов. Я шепнул им. Готовятся.

Гринька заметил, как один из матросов нагнулся, поправил шнуровку ботинка и украдкой спрятал в рукав бушлата булыжник.

Мальчик понял, зачем незнакомый моряк спрятал камень. Значит, его друзья умеют сговариваться, несмотря на все тюремные строгости.

Он облизнул пересохшие от волнения губы. Они стали шершавы и неприятны, словно покрылись остывшим жиром.

– Шевелись! – покрикивали на вяло строящихся арестантов унтер-офицеры. – Живо там!

Конвой окружил заключенных плотно, почти касаясь их штыками винтовок. Лязгнули затворы, загоняя в стволы патроны.

– Шаго-ом... – певуче протянул Бейбулатов и резко оборвал: – ...арш!

Колонна вытянулась из широких ворот. Впереди – унтер-офицеры с обнаженными шашками, за ними – Бейбулатов, позади – заключенные, окруженные цепочкой конвоиров.

Арестанты двинулись по пыльной дороге, мимо окраинных хат и черных прямоугольников огородов.

– Шире шаг! – крикнул Бейбулатов.

Заключенные тянулись неторопливо, еле переставляя ноги. Замыкающие колонну конвоиры почти упирались штыками в спины последних арестантов, но не могли заставить их идти быстрее. Это не удивляло Бейбулатова: не на праздник он вел людей.

Навстречу колонне по дороге шла мажара.

Шагавшие впереди унтер-офицеры замахали обнаженными клинками.

– С дороги! – кричали они. – Сворачивай!

Мажара свернула и остановилась на обочине, пропуская колонну. Станичники встали, разглядывая помятые, обросшие лица заключенных. Сидевшая на передке старуха опустила вожжи на колени и стала широко креститься.

Чем дальше отходила колонна от тюрьмы, тем больше горячился Бейбулатов. Наконец он не выдержал.

– Шевелись! – зло закричал он на еле шагавших людей. – А то я сумею подогнать вас!..

Они опаздывали к месту казни. Бейбулатов злился, ругал арестантов, конвоиров. Наконец не выдержал и сошел на обочину. Пропуская мимо себя колонну, он всматривался черными ненавидящими глазами в лица заключенных, время от времени властно покрикивая:

– А ну, рыжий!.. Веселее! Я вот тебя запомню, лупоглазый! А ты, орел в бушлате! Еле ноги тянешь? Я тебе добавлю прыти...

Угрозы Бейбулатова как будто подействовали. Арестанты пошли быстрее. Теперь плохо пришлось конвоирам. Солдаты шли по сторонам колонны, направив винтовки на арестантов. Приходилось идти почти боком. Спешить в таком положении, да еще по ухабистой дороге, было неудобно. Но сказать об этом разъяренному Бейбулатову никто не осмеливался. А заключенные все ускоряли шаг. Солдаты задыхались от жары и спешки. Ровное кольцо конвоиров расстроилось.

...Гринька почувствовал легкий толчок в бок. Оглянулся, перехватил короткий взгляд Сергея и понял: сейчас начнется! Волнение охватывало все сильнее, стеснило дыхание. Ноги дрожали. Стараясь не выдавать себя, Гринька отвернулся от Сергея, стал присматриваться к местности.

Слева тянулся городской выгон. За выгоном поднималось яркое, чистое солнце. Оно слепило глаза, мешало смотреть. Коровы разбрелись по пастбищу, позванивая боталами. Несколько саманных хаток растянулось по выгону. Чистые, беленые стены, залитые утренним солнцем, казались розовыми...

В конце колонны раздался условный резкий свист.

Гринька не успел толком сообразить, как вместе со всеми рванул в сторону выгона. Мельком увидел он упавшего конвоира, подошвы его сапог, подбитые крупными гвоздями. Как во сне, перепрыгнул через валяющуюся в пыли винтовку. В спину его ударил многоголосый нестройный крик. Несколько запоздавших выстрелов подогнали мальчугана. Стремительно мчался он к стаду, рассыпавшемуся по выгону...

Сговор был выполнен блестяще. Заключенные заранее распределили между собой конвоиров и бросились на них одновременно.

Часть солдат сбили с ног, другим засыпали глаза смесью песка и золы. Нападение было настолько внезапным, что даже те, кто не готовились к бегу, тоже пустились наутек. Недружные, редкие выстрелы не остановили беглецов. Напрягая все силы, они старались поскорее укрыться за недалекими хатами и за коровами...

Замешательство конвоя было настолько сильным, что растерялся даже сам Бейбулатов. Забыв о своих солдатах, он выхватил из кобуры браунинг и открыл огонь по бегущим.

Конвоиры никак не могли протереть засыпанные глаза. Стреляли очень немногие, да и то почти наудачу. Низкое, утреннее солнце слепило, отражаясь на стволах и штыках винтовок. Дико кричал Бейбулатов, бегая между конвоирами с разряженным браунингом и только мешая им...

Гринька летел по ровному выгону во всю прыть. Перед собой он видел лишь округлые бока коров, их синие мутные глаза. С ходу мальчуган забежал за одну из них. Жадно хватая ртом воздух, остановился. Осмотрелся.

По выжженному солнцем полю веером рассыпались беглецы. На ветру бились легкие платья женщин. Кое-где темными пятнами выделялись на траве упавшие. Трое лежали неподвижно.

Возле хаты, крытой камышом, споткнулся Сергей. Он выпрямился, вытянул вперед руки и мелкими, неточными шагами, как слепой, двинулся дальше. Его руки загребали воздух, пока не уперлись в беленую стену. Постоял возле нее Сергей, потом опустил голову, медленно сел на землю и повалился навзничь, широко раскинув большие, сильные руки.

Глядя на упавшего Сергея, Гринька даже не заметил, что корова, прикрывавшая его, испуганно взбрыкнула и понеслась вслед за бегущими.

Прямо на него набежал черноволосый матрос. Дышал он часто и громко.

– Тикай! – прохрипел матрос и подтолкнул замершего мальчонку вперед. – Тикай, дурень!

Гринька опомнился, увидел, что стоит на открытом месте, ничем не прикрытый от выстрелов, и припустил к реке. Рядом с ним, неуклюже выбрасывая вперед ноги, скакали перепуганные стрельбой коровы. Напружив тугие хвосты, бежали они по выпасу, как слепые, сталкиваясь одна с другой. Большая красная корова повалилась перед Гринькой и заскребла землю вытянутыми, нестибающимися ногами.

Не размышляя, перескочил Гринька через убитую корову и увидел впереди широкую мутную реку. Высокий глинистый берег спускался к ней большими увалами. Прыгая с уступа на уступ, мальчишка спустился к воде. На ходу скинул с себя ботинки, одежду и бросился вниз головой в теплую утреннюю воду.

Рассекая воду саженками, спешил Гринька к длинному, низменному островку, заросшему густым, высоким камышом.

Пока Гринька переплыл протоку, стрельба затихла. Вот и желанный островок! Все ближе волновался под легким утренничком камыш, покачивал пушистыми рыжими метелочками.

Тяжело дыша, мальчик встал на ноги. Мутная вода еле слышно журчала выше колен. Усталые мускулы на руках покраснели и мелко дрожали. Зеленая стена камышей с легким шорохом расступилась и скрыла мальчугана.

Снова один

Долго сидел Гринька в камышах, посматривая на высокий ступенчатый берег. Никак не мог он решить, что делать дальше. Вернуться на берег? Но тюремщики, наверно, уже рыщут кругом, ищут беглецов. Теперь-то они не скоро успокоятся! Сидеть в камышах, конечно, безопаснее. Но сколько же так сидеть?

В городе Гринька нашел бы где спрятаться. Но как туда добраться? Голым! Сентябрьская вода уже не казалась ему такой теплой. От долгого пребывания в ней и от свежего утреннего ветерка кожа стала шершавой, как у ошипанного гуся.

На реке появились двое мальчишек. Обгоняя друг друга, они с разбегу бросились в мутную воду.

Гринька вышел из камышей. Еще раз осмотрел противоположный берег. Ничего подозрительного там не было. Мальчуган вошел в воду.

Течение подхватило его и понесло к морю. Плыть по течению было легко. А вот смотреть вперед надо было зорко. Здесь, в устье реки, в мутной воде, можно было напороться на карчу – затонувшее дерево.

Незаметно доплыл Гринька до высокого деревянного моста. Перед ним, разбиваясь о бревна ледореза, громко бурлила вода. На мосту солдаты обыскивали мажару. Один ворошил сено на возу, а второй строго допрашивал старушку в низко надвинутом на глаза черном платочке, очень похожую на «мамашу». К мужчинам, сидевшим в мажаре, Гринька не пригляделся. Не до них было. Приближаясь к мосту, он настороженно измерял глазом расстояние, оставшееся до кипящих бурунов. Стоило пловцу попасть в один из них – закружит его, утянет на дно...

Бревна ледореза, обшитые толстой черной жостью, быстро приближались. Уже видно, как клокочет вода, разбиваясь о них.

«Пора!» – решил Гринька.

Сильно и часто загребая воду полусогнутыми руками, рванулся он между бурунами. Вода приподняла его. Клокочущий шум ее, отражаясь от широкого дощатого настила, стал оглушительно гулок. Еще несколько гребков – и течение вынесло Гриньку на речной простор.

За мостом река сразу успокоилась. Лишь ключья грязноватой пены да быстро вертящиеся маленькие воронки напоминали о пройденных водоворотах.

Гринька проплыл немного и выбрался на сухую отмель. Крупный желтый песок успел уже прогреться. Спину приятно припекало солнце.

Всем было бы хорошо на отмели, удаленной от чужих глаз, если б не голод. Он гнал мальчугана с безопасного места.

Перебираясь с отмели на отмель, вышел он к взморью. Тут уже бояться было нечего. Кто мог опознать его, если на нем всей одежды – один узенький ремешок? Такие же пояски носили и все остальные ребята на случай, если придется тонуть или же спасать другого.

А голод усиливался. Гринька направился к пристани.

У пристани еще не было ни рабочих, ни купающихся. Пусто и на привалившемся к пристани буксире и возле навесов со штабелями рогожных тюков. Лишь одинокий рыболов-гимназист высматривал местечко да возле навеса стоял сторож с берданкой. Чуть подальше из труб стоящего на якоре английского парохода поднимался дымок.

Оставаться на берегу, привлекая к себе внимание, Гриньке не хотелось. Он заплыл под пристань, забрался на поперечный брус, скреплявший бревенчатые устои. Обомшелое четырехгранное бревно было скользкое. Темно-зеленый, похожий на волосы мох шевелился по легкой волне. В прозрачной воде резвились стайки головастых мальков-бычков. Они то замирали наверху, еле трепеща паутинно-тонкими плавниками, то сразу, как по команде, уходили в глу-

бину. На каменистом берегу суеился большой круглый краб. Краб был голоден. Он заглядывал под камни, бестолково кружился, разыскивая добычу. Бегал краб быстро и смешно: не вперед и не назад, а боком, часто-часто перебирая кривыми, крепкими лапками.

Сидя под пристанью, Гринька подумал, что он и сам вроде краба – голый и голодный.

Неожиданно недалеко от Гриньки шлепнулся в воду поплавок.

Мальчуган прижался к бревну, но тут сверху свесились ноги в коломянковых брюках и сандалиях. По ногам Гринька узнал бродившего по пристани рыболова и успокоился.

От нечего делать он принялся рассматривать удочку. Крепкое складное удище с блестящими никелированными скрепами ему понравилось. Одобрил он и шелковую леску. Такая не размочалится в воде.

Поплавок разглядеть не пришлось: он быстро ушел в воду. Леска туго натянулась и, мелко вздрагивая, пошла в сторону. Удище упруго выгнулось. Крючок взяла крупная рыба.

Рыболов неловко, но старательно водил рыбу.

Сидя под пристанью, Гринька отмечал каждую ошибку рыболова. Кто же так выпускает леску? Всю! Ни кусочка запаса не оставил. Хоть бы догадался помаленьку подводить рыбу к берегу, а там можно выбросить ее на мелкое место.

Рассуждая так, Гринька всматривался в воду. Скоро он заметил черную спину рыбы, широкую, тупую морду и брезгливо сплюнул. На крючок попала морская собака – маленькая черноморская акула, сильная и хищная рыба.

– Ну и поймал! – поморщился Гринька. Морская собака металась в воде, ходила широкими кругами. Уже трижды она обернула леску вокруг одного из устоев пристани.

– Ах ты ведьма! – горестно ругнулся наверху рыболов.

– Плохо дело! – согласился внизу Гринька.

Рыболов заметил его и обрадовался:

– Эй, малец! Помоги вытащить рыбу!

– А что дашь за это? – не растерялся Гринька.

– Рыбу отдам, – пообещал рыболов, думая больше о своей удочке, чем о добыче.

– Куда мне ее? – ответил Гринька и подумал: «На что мне сдалась твоя собака?»

– А ты чего хочешь? – снова окликнул Гриньку рыболов.

– Покушать бы чего...

– Хорошо. Держи!

Над головой Гриньки свесилась рука с полуразвернутым пакетом. Между двумя толстыми ломтями полубелого хлеба вкусно выглядывали розоватые ломти свиного сала.

Лучшего нечего было и желать. Гринька соскользнул с бруса в воду. Нырнул. Достал со дна небольшой камень. Морская собака, спасаясь от него, обернула леску вокруг сваи до конца. Гринька ловко прижал ее голову к бревну и ударил камнем по тупой черной морде.

Размотать леску было недолго. Гринька передал наверх оглушенную рыбу.

– Собака! – разочарованно протянул рыболов. – На что она мне?

– Ничего! – утешил его Гринька и принялся за хлеб с салом. – Поганая рыба, зато здорвенная. Я еще такой и не видал.

– А-а! – закричал вдруг рыболов.

Вытаскивая глубоко заглотанный рыбой крючок, он сунул пальцы в широко разинутую пасть морской собаки. Рыба крепко сомкнула челюсти. Острые, вогнутые внутрь зубы впились в палец неудачника-рыболова. Он мотал рукой, стараясь стряхнуть рыбу.

Но у морской собаки действительно собачья хватка. Она висела на пальце, пока рыболов не навалился коленом на ее челюсти. Красная пасть раскрылась и выпустила палец.

Так и ушел рыболов с пристани, громко ругая морскую собаку, все еще болтавшуюся на удочке.

А Гринька позавтракал душистым салом с мягким хлебом и перебрался на берег. Надо было подумать, как пробраться к домику Анастасии Григорьевны.

Начинался шумный день.

На пристани появились грузчики с острыми крюками в руках и мягкими седелками на широких спинах. Загрохотали лебедки английского парохода, опуская в трюмы зашитые в рогожу кипы сыромятных кож.

По набережной важно выступали лошади ломовиков в широкополых соломенных шляпах, украшенных цветными лоскутками.купающихся мальчишек на берегу становилось все больше.

Гринька всматривался пристально в лица прохожих, но знакомых не находил. Теперь он уже не спрашивал, где найти большевиков, – стал умнее...

Солнце поднялось высоко. Рабочие потянулись с пристани на обед. Гринька понял, что если ему раз повезло, сидя в саду, увидеть Романа Петровича, то на вторую такую удачу рассчитывать нельзя. И он бесцельно зашагал вдоль берега, шлепая ногами по теплой, ласковой воде...

Шлюпка идет в плавни...

Весть о большом побеге заключенных захватила Романа Петровича, Анастасию Григорьевну и Христю врасплох. Они уже приготовились к отъезду, когда неожиданно получили записку:

«Сегодня, на рассвете, заключенные опрокинули конвой и разбежались. Рассеялись в окрестностях города. Идут обыски. Будьте настороже. Записку уничтожьте».

Подписи под запиской не было. Да ее и не нужно было. Почерк был знакомый – крупный, с сильным нажимом. Так писал Аким Семенович.

Обитатели дома «мамаши» притаились за опущенными занавесками.

По улице шли слухи противоречивые и непонятные. К Анастасии Григорьевне забежала соседка. Ахая и причитая, она рассказала, что в тюрьме взбунтовались все арестанты, перепугали охрану и разбежались кто куда. Час спустя та же соседка прибежала снова и сбивчивым шепотком сообщила: арестованные пытались бежать, но их всех перестреляли, до единого. Из путанных рассказов можно было понять лишь одно: произошло нечто серьезное, взбаламутившее весь город. За рекой контрразведчики шарили в камышах и кустарниках. На дорогах они останавливали прохожих, проверяли документы, обыскивали подводы. На улицах появились патрули. Раза два прошли они и мимо дома Анастасии Григорьевны.

Уже под вечер заглянул к ней один из партийных товарищей. Его прислали взять бинты и медикаменты из приготовленного для партизан запаса. От него узнали, что комитет послал своих людей разыскивать беглецов. Пока нашли двенадцать человек, из них трое ранены. Сергей был убит шагах в пятидесяти от дороги. Многие из беглецов, наверно, уже добрались до окрестных станиц и хуторов, а быть может, направились пешим ходом в плавни. О Гриньке посетитель ничего не знал. Кто-то из беглецов поминал о каком-то мальчике. Но куда тот делся...

В доме волновались все больше. Поездка отложена. О них словно забыли. Христя, еле сдерживая бурлящее в нем нетерпение, посматривал из-за занавесок на улицу. Анастасия Григорьевна неизвестно зачем и для кого убирала комнату...

– Роман! – позвал Христя, не отходивший от окна, и молча кивнул головой на прохожего, медленно идущего по улице.

Роман Петрович выглянул в окно. Издали по пушистым седым волосам и черной с медным колпачком трубке он узнал Акима Семеновича и выбежал во двор.

Аким Семенович прошел мимо калитки. Все так же неторопливо он остановился и принялся выколачивать трубку о забор.

Роман Петрович подошел и увидел в щели записку. Молча взял ее.

Аким Семенович пошел дальше все той же развальной, неторопливой походкой старого человека, которому некуда спешить.

В доме возвращения Романа Петровича ждали с нетерпением.

«К десяти часам вечера, – прочел он, – выходите к Черным Сваям. Дорогу знает Христя. Идите без вещей. Записку уничтожьте».

– Все-таки едем! – тихо произнесла «мамаша» и задумалась.

Черные Сваи!.. Много лет назад какой-то купец выстроил рыбную приемку не внутри бухты, где расположен город, а на открытом берегу.

В кипучие дни путины рыбаки, вместо того чтобы гнать шаланды в городскую бухту, оги-бать длинную отмель, выдающуюся далеко в море, охотно сдавали улов по дешевке на близком к месту промысла открытом берегу. Слишком дорог был каждый час в горячее время хода рыбы.

Росли барыши скупщика, росла и жадность. Рассчитываясь с рыбаками, он постоянно обвешивал их, обсчитывал. А зимой, когда мороз сковал у берегов мелкое море, приемка вспыхнула. Пока прискакали из города пожарные, от пристани и склада остались только сваи. Этот низменный берег, заваленный гниющими водорослями, в серых кружевах морской пены, не посещали ни горожане, ни станичники. Не заглядывали сюда и рыбаки. Лишь морские ветры привольно гуляли здесь, теребили редкий камыш и гнали длинные, плоские волны на такой же плоский и скучный берег...

– Роман! Как же с Гринькой-то? – вырвалось у Анастасии Григорьевны. – У него, кроме нас с тобой, ни одной души знакомой нет в городе. Пропадет парнишка!

Роман Петрович только вздохнул в ответ.

Время тянулось тягостно. За окнами смеркалось. Подходил час отъезда. Но никто не решился напомнить о нем первым.

Легкий стук калитки сорвал всех с места и бросил к окну. По двору быстро прокатился какой-то странный комок. Тихо раскрылась дверь... и все увидели Гриньку. Вернее, догадались, что это он.

Узнать мальчугана было нелегко. Поиски одежды на берегу были безуспешны. Отчаявшийся Гринька подобрал возле пристани старую рогожу и завернулся в нее. Он походил сейчас на бумажный фунтик, поставленный хвостиком вверх.

– Гринька! – опомнилась «мамаша». – Живой!

Мальчуган смущенно переступил с ноги на ногу.

– Дайте чего-нибудь надеть, – попросил он. – У меня... ни рубашки, ни брюк. Одна рогожа!

Анастасия Григорьевна подбежала к нему, обняла его вместе с рогожей:

– Сыночек ты мой! Цел!.. Живехонек!

Еще раз выручил старый семейный сундук. Нашлись в нем и брюки, и рубашка, и даже теплый пиджак – в дорогу. Пахнущую соленой рыбой рогожу сунули в печку.

– Ишь ты! – удивленно присматривался Христя к Гриньке. – Грозен! Красный мститель!

Гринька его не слышал. Он переоделся и, сидя за столом, уплетал остатки пирога с тыквой, запивая его желтым топленым молоком.

Анастасия Григорьевна стояла возле него с крынкой в руке.

Гринька откинулся на спинку стула и, улыбаясь, похлопал себя кулаком по животу:

– Ого-го! Набарабанился!

Христя поднялся первым.

– Пора! – сказал он и кивнул на будильник.

За ним заторопились и остальные. В последний раз осмотрели они комнату. И странно – почему-то теперь, после появления Гриньки, исчезло тягостное настроение. Как будто все тут только и ждали этого мальчонку в рогоже, свернутой фунтиком. Роману Петровичу и Христю передалось оживление «мамаши».

С появлением Гриньки поездка в Ростов обрела для нее еще и второе серьезное значение. Анастасия Григорьевна решила: нужно сохранить мальчонку, пока она не сможет передать его с рук на руки отцу. А кто сможет лучше нее позаботиться о мальчике? Не раз она говорила Роману Петровичу о Гриньке: «Это не такой паренек, чтобы по базарам бегать. Ему семья нужна!» Слушая ее, Роман Петрович прекрасно понимал, что дело тут не только в Гриньке, но и в материнском сердце «мамаши».

...Они вышли со двора попарно. Впереди – Роман Петрович и Христя, за ними – «мамаша» с Гринькой. Лампу в доме оставили непогашенной, только прикрутили фитиль. Придет время, выгорит керосин – сама погаснет.

Посмотрели в последний раз на тускло святающиеся окна. Прислушались к шуму ветерка в саду.

– Пошли! – сказал Роман Петрович. Шли они темной, окраинной улочкой. Изредка освещенное окно вырывало из тьмы клочок мощенного кирпичом тротуара. А дальше становилось еще темнее, непрогляднее. Опасливо обходили беглецов редкие прохожие. За последнее время в городе участились грабежи. Люди боялись нарваться на бандитов.

За городом белели в темноте зыбкие полосы тумана. Но Христа вел маленькую группу уверенно. Ровно к условленному времени они вышли к Черным Сваям. В темноте они скорее угадали, чем увидели, торчащие из воды обугленные столбы. Спокойная вода лоснилась, казалась густой и маслянистой, как нефть. Вдалеке, где кончалась бесконечно длинная отмель, мигал одинокий маяк. Вспыхнет яркий белый глазок, бросит на воду искрящуюся дорожку и закроется...

Скоро на море появился тусклый огонек. За ним проступили еле приметные в темноте очертания косого паруса.

– «Чайка»! – сказал Христа. – Прогулочная шлюпка. С парусом.

Он знал все городские лодки. Первым забрался в «Чайку» Гринька.

– А-а! – встретил его знакомый голос. – Старый приятель!

Гринька еле разглядел в темноте долговязого тюремного старосту. Рядом со старостой громадной темной глыбой сидел матрос с подвешенной на бинте рукой. Остальных в темноте узнать не удалось.

Шлюпка была крепкая и просторная. Христа быстро проверил, хорошо ли закреплены мачта, парус. Роман Петрович сменил на руле Акима Семеновича. Анастасия Григорьевна с Гринькой устроились посередине лодки, под парусом.

Легко ступая по зыбкой шлюпке и на ходу пожимая руки товарищам, Аким Семенович выбрался на берег.

– На корме глядите в оба, – приговаривал он. – Там ящик с медикаментами. И другой – с продовольствием.

Аким Семенович помог оттолкнуть шлюпку от берега.

– Передайте хлопцам в плавнях, что мы ждем их!

Над головой Гриньки захлопал парус, важно надулся.

Шлюпка слегка накренилась и направилась в открытое море.

...Под носом лодки шипела вода. Изредка всплескивала о борт мелкая волна. Далекие городские огни появились из-за мыса и растаяли. Осталось от них еле приметное розовое зарево. Звезды нависли над морем – крупные, яркие, спелые. Казалось, дунет ветерок покрепче и отряхнет их в лениво колышущуюся воду.

Гринька пробрался на корму.

– Дядя Роман! – позвал он.

– Я здесь, Гриня.

Мальчуган подошел к нему, сел рядом.

– Мне в тюрьме тот... которого забрали со мной, говорил, что ты знаешь про мамку.

– Знаю, Гриня, – тихо ответил Роман Петрович. – Знаю. – Он достал из кармана серебряное кольцо и протянул его мальчику: – Узнаешь?

Гринька взял кольцо и, не отвечая на вопрос, срывающимся голосом спросил:

– Что с мамкой?

– Слушай, Гриня, – Роман Петрович говорил осторожно, подбирая слова, – это кольцо мать поручила тебе передать отцу. Обязательно. Поедешь в Советскую Россию, вместе с Анастасией Григорьевной... Там помогут разыскать твоего батьку. А сперва поживете в Ростове. Кольцо не теряй, помни мамкин наказ...

– А сама она? – еле шевеля непослушными губами, спросил Гринька, уже угадывая ответ Романа Петровича. – Где она?

– Нет ее больше.

– Расстреляли?

– Умерла. От тифа.

В наступившей тишине Роман Петрович слышал лишь тяжелое, как у больного, дыхание мальчика да бульканье воды под днищем.

Гринька отошел от него и лег ничком на запасной парус. Он думал о погибшей матери. В последнюю минуту она помнила о нем, об отце. А вот сам Гринька все это время мало думал об отце. В горле у него рос какой-то ком, мешал дышать...

Осторожно ступая по непривычно шатким доскам, подошла к нему Анастасия Григорьевна. Опустилась возле него на парус и положила руку на вздрагивающее плечо мальчонки:

– Ты же большевик!

Гринька не смог ответить ей. Он и сам еще не разобрался в охвативших его чувствах. Он лишь сейчас смутно понял, из какой беды выручили его люди, сидящие рядом в шлюпке: и дядя Роман, и Анастасия Петровна, и Христя...

Сам того не замечая, Гринька ткнулся лицом в колени «мамаши» и почувствовал, как ласковая, теплая рука легла на его голову.

...Небо на горизонте слегка окрасилось багрянцем. Из моря выглянула большая оранжевая луна, щедро рассыпала по морю золотые живые блески. Шлюпка мягко покачивалась на растущих волнах. Христя повернул ее и поставил прямо по ветру. Захлюпала под бортом вода. Лодка пошла быстрее...

Луна поднялась и уже светила ярко, играла с волной, заливала серебристым светом упруго выгнувшийся парус, шлюпку, море. Вдалеке ровной черной полоской тянулся низменный кубанский берег.

Христя протянул к нему руку и сказал:

– Плавни начались.

Гринька всмотрелся туда, куда показала рука Христи. Неужели там, в сплошной темени, живут люди? И не только живут, но и воюют, держат в постоянном страхе тех, кого так ненавидел он, – белогвардейцев! Гриньке нестерпимо захотелось скорее попасть туда, к своим, к партизанам. С ними не страшны ни контрразведка, ни тюремные стены, ни вражеское оружие. Он, Гринька, мальчик из Советской России, будет таким же, как Роман Петрович, Сергей, Христя и черный матрос.

Тайна реки Семужьей

Повесть

Глава первая

Происшествие в поселке

Исчезновение семиклассника Васьки Калабухова взбудоражило все Пушозеро. Куда мог уйти мальчуган из поселка, затерявшегося в глухой тундре? Об этом взволнованно толковали в домах и на улице, даже в управлении горнорудного комбината. Предположения высказывались самые различные. Одни полагали, что Васька заблудился в мелколесье, тянувшемся от озера до горной тундры. Другие опасались, как бы мальчуган не забрел в Лосиное болото, пользовавшееся недоброй славой. Нашлись и такие, что связывали исчезновение Васьки Калабухова с пропажей плотика, сколоченного ребятами из обрезков бревен. Но все сходились на одном: с мальчуганом стряслось неладное, надо его искать.

У обшитого тесом крыльца стандартного дома с маленькой фанерной вывеской «Общжитие № 7» это событие обсуждалось особенно горячо. Наташа, раскрасневшаяся, с выбившейся из-под красной вязаной шапочки темно-русой прядкой, возмущенно отчитывала Володю, добродушно посматривавшего на нее через сильные, выпуклые очки. Трудно было ей отчитывать рослого сухощавого парня. Желая казаться повыше, девушка выпрямилась, вскинула стриженную по-мальчишески голову, даже плечи приподняла. И все же Наташе приходилось смотреть на виновного снизу вверх. Строгий вид ее вызывал у Володи невольную улыбку. Отчитывая его, Наташа время от времени посматривала на стоявшего в стороне широкого в плечах, кряжистого Федю, ожидая поддержки. Но Федя невозмутимо молчал с видом человека, которому давно уже известно, чем закончится спор, а потому и не считающего нужным вмешиваться.

– У тебя, Володя, удивительные способности! – На чистом лбу Наташи надломилась уголком тонкая гневная морщинка. – Удивительные! Всего две недели, как мы приехали сюда, и ты уже успел трижды отличиться. С крыши свалился. Раз! Поссорился с комендантом общжития. Два! В милицию попал...

– Наташа! – Володя поправил очки и поднял палец. – Не забывай наше правило: «Вперед! Всегда вперед!»

– Даже в милицию?

– Комендант потребовал с меня магарыч. Как с новичка...

– А ты послал его к черту и назвал взяточником! – перебила его Наташа. – А потом, в милиции, не сумел ничего доказать и остался виноватым. Красиво! – И, не давая возразить себе, она быстро перевела разговор: – Ладно! Не стоит сейчас толковать о прошлом. Скажи лучше: ты подумал?..

Желая дать товарищу прочувствовать свою вину, Наташа значительно помолчала. Володя воспользовался паузой и заговорил громко, нарочито бесстрастным голосом:

– Разберемся в существе вопроса. Обстоятельства дела таковы. Вчера, в восемь ноль-ноль утра, ученик седьмого «Б» класса Василий Калабухов, более известный в поселке по прозвищу Чудак-Рыбак, ушел из дому и по настоящее время не вернулся. Принимая во внимание наклонности Чудака-Рыбака к бродяжничеству, а также и то, что живем мы не в Московской области, а в тундре, где нет ни регулировщиков движения по болотам, кочкам и горам, ни указателей, ни справочных киосков, остается предположить...

– Ты еще расскажи нам, что комитет комсомола обратился к молодежи поселка с призывом отправиться на поиски мальчика, – нетерпеливо перебила его Наташа.

– Точно! – подхватил Володя, словно не замечая насмешливого тона девушки. – А кто мы такие? Молодежь! Комсомолыцы! Наше дело идти, искать...

– Куда идти? – вспыхнула Наташа. – Мы тут новые люди. Местных условий не знаем...

– Не знаем, так узнаем, – беспечно бросил Володя. И украдкой поглядел в сторону молчавшего Федя.

На этот раз Федя поддержал его.

– Узнаем, – согласился он и кивнул круглой стриженной головой с широким шишकाстым лбом. Но лицо его с полными щеками, еще сохранившими застенчивые мальчишеские ямочки, оставалось невозмутимым.

– Мы запутаемся в здешних лесах и болотах, – не отступала Наташа, – если с нами не пойдет никто из местных жителей. Запутаемся! Придется искать не только мальчишку, но и нас, спасителей. Вот прославимся! Пошли искать – и потерялись!

Наташа говорила откровенно, зная, что друзья не заподозрят ее в трусости. Девушка все время повторяла слово «мы», хотя никто ее не звал на поиски. Но Наташа и мысли не допускала, что товарищи пойдут в тундру без нее. Девушку возмущало самоуправство Володи. Как мог он, не советуясь с друзьями, сказать в комитете комсомола, что они пойдут втроем искать пропавшего мальчишку?

– Все, что ты говоришь, верно, – примирительно начал Володя. – Но подумай...

– Опять но! – вспыхнула Наташа. – А без но нельзя?

– Никак, – по-прежнему спокойно ответил Володя. – Еще раз напоминаю. Живем мы не в славном древнем граде Серпухове, а в Заполярье. Молодежи в Пушозере немного. Большинство комсомольцев такие же новоселы, как и ты, я, Федя. И если мы обшарим хоть кусочек леса – уже поможем розыскам мальчишки.

– Поможем, – снова согласился с ним Федя.

– Друзья! – Воодушевленный поддержкой Федя, Володя заговорил в приподнятом тоне. – Вспомните, почему мы оказались здесь, за Северным Полярным кругом? Наш девиз: «Вперед! Один за всех, и все за одного!» Смеем ли мы сидеть в поселке и ждать, пока кто-то отыщет пропавшего мальчонку? Да и какие мы новички! Мало мы бродили по подмосковным лесам и болотам? По кавказским горам лазили? Не пропадем и тут. В конце концов, Наташа, ты... – Володя хотел сказать «ты можешь остаться», но понял, что этим серьезно обидит девушку, и незаметно поправился: – ...ты забыла, что мы собираемся не в дальние странствия. Сегодня суббота. До понедельника мы свободны. Кстати, управление комбината разрешило, в случае надобности, задержаться на сутки-другие.

– Сегодня и завтра... – Наташа задумалась, медленно заправляя под шапочку распушившиеся темно-русые волосы. – Пожалуй, можно. – Она опустила руку и спросила уже спокойно: – Когда и где встретимся?

– Через час, – ответил Володя. – Возле почтового ящика.

Почтовый ящик был своеобразной достопримечательностью молодого тундрового поселка. Обычный синий ящик ничем не отличался от тысяч и тысяч таких же ящиков, разбросанных от Тихого океана до Балтики, от знойной Кушки до студеного Баренцева моря. И все-таки в жизни молодежи поселка он занимал значительное место. К нему приходили на свидание так же, как в Москве к станциям метро, а в Ленинграде – к памятнику Петру. Здесь начинались дружба и любовь, радости и огорчения... Встречаться у одинокого почтового ящика было, пожалуй, даже удобнее, чем у станции метро или возле памятника Петру. Тут не потеряешься сам и не пропустишь с толпой прохожих нужного человека...

Ровно час спустя друзья собрались у синего ящика, приколоченного рядом с деревянным крыльцом почты. У каждого из них за плечами был хорошо пригнанный рюкзак, в руках

бамбуковый посох – память о Кавказе. Кроме этого, у Феди на поясе висел остро отточенный топорик в брезентовом чехле, а на узком ремешке, переброшенном через плечо, – туго скатанная плащ-палатка. На Крайнем Севере нельзя доверять неверной июньской погоде: ясный солнечный день может внезапно смениться дождем, а то и мокрым, липким снегом.

Федя, Володя и Наташа, одетые в плотные лыжные костюмы и одинаковые вязаные шапочки, походили на двух братьев и сестру. Походили они не только костюмами. Стоило приглядеться к ним – и нетрудно было заметить, что они понимают друг друга с полуслова, а порой даже угадывают мысль товарища, прежде чем тот успеет ее высказать.

– Маршрут нам дали такой... – Володя строго посмотрел через очки на товарищей. – Выйти за поселком к ручью Безымянному. Подняться по ручью до скалы с елью. Если мы не найдем ничего интересного, то на обратном пути надо прочесать мелкий лесок по обеим сторонам ручья. Всего нашим ногам предстоит сделать в оба конца около сорока километров.

– За два дня? Немного, – удивилась Наташа и первой вышла на дорогу. Она не любила терять время на разговоры. В пути можно будет обсудить подробности маршрута и уточнить план поисков.

На улице, возле некоторых домов, собирались такие же группы молодежи. Одетые по походному, с вещевыми мешками или рюкзаками за плечами, они тоже готовились отправиться на поиски пропавшего Васьки Калабухова.

Поселок Пушозеро привольно вытянулся по берегу озера в одну длинную и широкую улицу с проглядывающими кое-где из земли крупными валунами. Оживляли улицу недавно посаженные молодые березки. В центре поселка высились двухэтажные здания управления комбината и клуба. По обеим сторонам от них выстроились добротно срубленные стандартные дома. Необычно выглядели они на просторных пустых участках – ничем не огороженные, словно голые. За жилыми строениями, несколько на отшибе, виднелся бревенчатый гараж. Возле него были составлены в штабеля металлические бочки. Тут же стоял бензовоз со снятыми колесами – странно низкий, непохожий на автомашину...

Пока маленькая группа миновала поселок, к ней не раз приставали мальчишки – просили взять их на поиски Чудака-Рыбака. По горячим просьбам, взволнованным голосам и лицам ребят нетрудно было догадаться, что в мальчишеском мире Чудак-Рыбак был фигурой значительной и уважаемой.

Наташа шла первой, с суровым лицом человека, готового на подвиг. Суровость очень шла к ней – маленькой, стройной и крепкой, с чуть вскинутой головой и мягко закругленными щеками.

Никто из мальчишек не решался приставать с просьбами к Наташе. Очкастый, чуть сутулый Володя казался им проще, добрее. За ним и бежали ребята, пока Наташа не обернулась.

– А ну, двоечники! – Она пристукнула посохом о землю. – Марш по домам! Учите арифметику.

Обиженные «двоечники» отстали. Долго еще ворчали они вслед Наташе, высказывая едкие соображения о задавалах и воображалах.

Глава вторая

Три друга

У Наташи, Феде и Володи издавна сложились своеобразные отношения.

Наташа совершенно искренне считала себя вожаком своих друзей. Ведь девушка в восемнадцать лет старше девятнадцатилетних мальчишек.

Володя так же искренне полагал, что настоящим вожаком их маленькой артели был он и никто другой. Кто из всех троих самый предприимчивый? Кто еще в Серпухове подбивал друзей на вылазки в лес, на рыбалку, находил новые интересные места? Кто предложил пойти на Кавказ, выбрал маршрут по Военно-Сухумской дороге, сумел уговорить Наташкину мать отпустить ее в дальний поход? Все, что было интересного в недолгой жизни друзей, начинал он, Володя.

Но и молчаливый коренастый Федя был твердо убежден, что именно он верховодит в своей компании. Конечно, он неразговорчив, не ввязывается в ненужные споры, а предпочитает послушать других, подумать. Зато, когда Наташа с Володей нашумятся вдоволь и запутаются окончательно, Федя скажет свое слово, и обессиленные спорщики сделают так, как решит он, Федя.

Наташа постоянно учила друзей рассудительности и последовательности в своих поступках, Володя старался приучить Наташу и Федю ценить инициативу и решительность, а Федя отучал Наташу и Володю от излишней самонадеянности и торопливости. И все трое не очень-то преуспевали в своих добрых намерениях. По-прежнему Володя носился все с новыми и новыми планами. Наташа охлаждала его горячую голову, а Федя терпеливо выжидал, пока придет время сказать свое решающее слово. Таким образом, в компании из трех человек оказалось три вожака. И каждый из них был по-своему прав, нужен и полезен.

Еще учась в серпуховской школе, друзья увлекались романом А. Дюма «Три мушкетера». Они читали его и перечитывали, подолгу толковали о героях и о событиях, происходивших в книге. Все трое восторгались силой и мужеством Портоса, но единодушно осуждали его любовные шашни с отвратительной и жадной богатой старухой – женой прокурора. Очень нравился им умный, изящный Атос. Но пил он столько, что порой, по расчетам Феде, любившего во всем точность, Атос наливался вином по самые уши. Обаятелен был и тонкий знаток книг Арамис. Но его желание стать попом возмущало всю троицу.

Что же заставляло их перечитывать и обсуждать роман, если все три героя книги оказались, на их взгляд, далеко не безупречными? Привлекало друзей благородное стремление мушкетеров к подвигу, их могучая, бескорыстная дружба. «Один за всех, и все за одного!» Какие чудесные слова!

Друзья строго следовали этому правилу в жизни. Когда Наташа, купаясь в Оке, уставала, Володя, сильно загребая воду, подплывал к ней и кричал:

– Плечо!.. Обопрись на мое плечо.

Приятно было Наташе положить руку на плечо друга и видеть, как тяжело плывет он, выплевывая воду и звучно фыркая. Прислушиваясь к шумному дыханию Володи, Наташа знала, что он скорее наглотеется мутной, припахивающей нефтью воды, даже потонет, но не позволит ей убрать руку. В такие минуты Наташе становилось радостно и вместе с тем – страшновато. Но дружеская помощь Володи была так приятна и волнующа, что Наташа не могла сдержаться себя и порой притворялась усталой, чтобы услышать Володино:

– Плечо!.. Обопрись на плечо!

И второе, что влекло друзей к образам трех мушкетеров, – их девиз: «Вперед! Всегда вперед!» Всего несколько слов, а какой в них смысл, какая сила! Они уводили дружную троицу далеко в лес, в пещеры, вырытые неизвестно когда и кем в крутом берегу Оки, увлекли ребят

в колхоз, где они организовали «боевой экипаж» конных грабель, а потом – и в путешествие по Военно-Сухумской дороге...

Один лишь раз обстоятельства чуть не разлучили Федю и Володю с Наташей. Окончив среднюю школу, юноши поступили в горнопромышленное училище, находившееся неподалеку от Серпухова. Они собирались стать подрывниками. С восторгом рассказывали они Наташе о своей будущей профессии, о занятиях в училище, о товарищах по учебе. Десятиклассница Наташа вскоре отчетливо представляла себе не только здание училища, окруженное старыми липами, но и педагогов, учащихся; представляла настолько отчетливо, зримо, будто сама училась там, дружила с одними и не ладила с другими. Она знала о будущей работе своих друзей столько, что смело вмешивалась в споры Феди и Володи о преимуществах тринитротолуола перед аммоналом при взрывах скальных пород, деловито обсуждала правила техники безопасности подрывников...

Понемногу и сама Наташа увлеклась профессией своих друзей. Мечты о новых, неведомых краях волновали троих все сильнее. И, когда Наташа не прошла по конкурсу в институт, она не испытала особого огорчения. Совсем недавно партия обратилась к комсомольцам и молодежи, призывая их ехать в далекие, малонаселенные районы страны. Наташа, Федя и Володя отправились в райком комсомола...

Неделю спустя трое друзей с эшелоном новоселов прибыли на Кольский полуостров и вскоре обосновались в поселке Пушозеро.

Глава третья

Встреча на ручье

За поселком широкая улица внезапно оборвалась. Осталась от нее лишь неровная стежка. Плавно скользнула она с пригорка к большому светлому озеру и ткнулась в узкий залив, глубоко врезавшийся в травянистый берег. Обогнув залив, где стояло на приколе несколько лодок, стежка круто свернула в сторону от озера и устремилась к густым зарослям низкорослой березы, прикрывающим ручей Безымянный.

После долгой полярной ночи березки жадно тянулись к щедрому солнцу, светившему круглые сутки. Наливались соком, расправлялись тонкие корявые ветви. Крепкие, еще клейкие листки разворачивались, будто узорчатой завесой прикрывали узловатые стволы, скупое одетые бледно-розовой берестой. А над лесом и ручьем нависло огромное яркое солнце. Оно обрушило на землю такую массу света! Казалось, будто он наступает со всех сторон, излучается стволами березок, травой, каменистым дном ручья, даже самой землей. Каждая былинка, листок, крапинка на камне обрели в нем необычайно четкие очертания. Даже тени от людей и деревьев падали на землю расплывчатые, блеклые, будто стертые.

Ручей старательно подрывался под невысокий крутой бережок, обнажая спутанные корневища, свисающие почти до самой воды косматыми бородами. В прозрачной воде его зябко дрожало каменистое дно.

Еле приметная стежка скоро совсем растаяла в густом березнячке. Тонкие крепкие ветви сплетались перед путниками все плотнее, цеплялись за лыжные брюки, за лямки рюкзаков. Под ноги подвертывались прикрытые листвой камни. И все же шагать было приятно. Крепкий запах молодой березы, звонкое бормотание ручья и ласково греющее солнце бодрили пешеходов, облегчали путь. Легкий ветерок теребил выбившийся из-под шапочки локон Наташи, приятно охлаждал разгоряченную быстрой ходьбой влажную шею... Усталость подкралась незаметно. Заросли березняка будто стали плотнее; гуще сплетались перед пешеходами ветви, чаще попадались под ноги камни. Лямки рюкзака врезались в распаренные плечи.

Первой стала посматривать на часы Наташа. Федя заметил это и ускорил шаг. На этот раз Наташа безропотно уступила ему место ведущего. Легко разрывая сплетающиеся ветви своим крупным телом, Федя прокладывал в зарослях дорогу товарищам. И все же Наташе хотелось окликнуть его, напомнить, что пора присмотреть место для ночлега...

Неожиданно Федя остановился, разглядывая что-то впереди. За ним и Наташа приподнялась на носки, выглянула из-за низких березок.

Это было неожиданно! Настолько неожиданно, что даже не верилось в такую удачу. Совсем недалеко, у поворота ручья, на крупном валуне, делившем течение на две упругие струи, лежал на спине мальчишка лет тринадцати-четырнадцати.

Распахнув старенькую стеганку, он широко раскинул руки, довольно щурясь на вечернее солнце, и совсем не походил на «погибающего» мальчика.

Еле скрывая бурную радость под напускной суровостью, Наташа быстро опередила Федю, легко перепрыгнула неширокий поток и подошла к мальчишке. Его скуластое лицо с редкими крупными веснушками и круглым блестящим носом не выразило ни радости, подобающей спасенному, ни благодарности за беспокойство, причиненное людям внезапным исчезновением.

– Хорош! – строго сказала Наташа.

И посмотрела на него так, что тот должен был немедленно сторечь от стыда и раскаяния.

– А чего? – Мальчишка не спеша поднялся на ноги и широким движением запахнул стеганку. – Хоро-ош!

– Тебя весь поселок ищет! – В голосе Наташи зазвучали осуждающие нотки. – А ты валяешься на солнышке. Греешься!

– Кого ищут-то? – переспросил мальчишка.

– Тебя. Ваську Калабухова!

– Ваську! – Мальчишка коротко задумался, внимательно всматриваясь в обступивших его новоселов и как бы решая: друзья это или недруги. И вдруг глаза-щелочки и круглый блестящий нос в крупных веснушках сбежались в плутоватой улыбке. – Ищут! А я и сам ищу Чудака-Рыбака.

– Ищешь? – опешила Наташа. – Ты?

– Я, – спокойно подтвердил мальчишка. – А чего?

Он внимательно осмотрел Наташу, потом Володю с Федей и удивленно развел руками:

– И куда он, бес, девался только! Час лежу тут и думаю.

– Почему же ты ищешь один? – спросил Володя.

– Один! – Мальчишка укоризненно взглянул на Володю. – А кто возьмет меня искать Ваську? Скажи только об этом матери... Она живо проверит, крепко ли мои уши пришиты к голове.

– Так ты удрал из дому? – спросила Наташа.

– Я матери записку оставил, – уклонился от прямого ответа мальчишка.

Он помолчал немного, присматриваясь к разочарованно притихшим спасителям, и грустно добавил:

– Васька – друг мой. Третий год мы с ним на одной парте сидим. И отметки у нас... – Мальчуган припомнил что-то приятное и даже зажмурился от удовольствия: – У него по литературе четверка? И у меня четверка. По алгебре у нас были пятерки. У обоих. Потом Васька – ляп! Схватил по алгебре двойку. Назавтра вызвал меня учитель к доске... Получай, Петька, пару. Дружба!

– Как твоя фамилия? – спросил Володя.

– Петра Жужукина знаете? – с достоинством спросил мальчуган и пытливо посмотрел на своих собеседников.

– Не имеем чести... – ответил Володя.

– Чести!.. – недовольно повторил паренек, уловивший насмешку. – Я – Петр Жужукин. Петька!

– Та-ак! – Володя строго блеснул очками. – А скажи-ка нам, Петр Жужукин, долго ты еще собираешься искать своего друга Ваську Калабухова?

– Покамест не найду! – не размышляя, отрезал Петька.

– Решительный мужчина! – с уважением произнес Володя. – И надеешься его найти?

– Найду.

– Очень хорошо! – продолжал Володя, несколько сбитый несокрушимой уверенностью мальчугана. – А подумал ли ты, дорогой мой Петр Жужукин, чем ты будешь кормиться во время поисков?

– С кормежкой у меня... – Петька глубоко вздохнул. – Не подумал я насчет кормежки. Буханочку хлеба прихватил, удочки. И все.

Мальчишка снова внимательно осмотрел обступивших его друзей, будто оценивая, чего стоит каждый из них, и неожиданно попросил:

– Возьмите меня с собой. Ваську искать!

Петька пригнул голову и выжидающе уставился на неприступно строгую Наташу, потом на молчаливого Федю, еще не высказавшего своего отношения к происходящему. Взгляд мальчишки с надеждой задержался на Володе:

– Возьмете? А?

– Нужен ты нам... – отмахнулся Володя.

– А вот и нужен! – вспыхнул Петька. – Нужен. Со мной не пропадешь...

В ответ он услышал дружный хохот. Весело поблескивая очками, смеялся Володя. Искренне, по-девчоночьи заливалась Наташа. Даже Федя не устоял, широко улыбнулся...

Петька только-только вступил в тот счастливый возраст, когда в мальчишке пробиваются первые, робкие еще черточки юноши. Перейдя в седьмой класс, многие ребята обзавелись расческами, а кой-кто даже и карманными зеркальцами. Расческа работала у семиклассника больше, чем у любого щеголя. Заодно она выручала хозяина в затруднительных объяснениях. Вот и сейчас, желая показать Володе, что не такой уж он мальчишка, Петька вытащил из кармана ярко-розовую расческу и стал не спеша причесываться. Но достать зеркальце он почему-то постеснялся.

Если б Петька мог читать чужие мысли, он узнал бы примерно следующее:

«Стоит взять мальчишку, – подумала Наташа. – Право, стоит! Все же он местный... Только выдержит ли он наш шаг?»

«Паренек хороший! И в лесу, видать, как дома. Ишь, куда забрался! – размышлял Володя. – Жалко, что маловат он. Отставать будет».

«Такого можно взять, – решил Федя. – Долго ли осталось нам искать? Самое большее – еще сутки задержимся».

Петька понял сомнения своих собеседников.

– Возьмите! – попросил он еще раз. – Чего боитесь-то? Я не помешаю. А если устану, идите сами по себе. Не обращайтесь на меня внимания. И все!

– Ловок! – усмехнулся Володя. – По-твоему, выходит так: сперва взять тебя, а потом бросить, где попало, в лесу или в болоте?

– А что мне лес? – Петька лихо сдвинул на затылок пеструю шапку с болтающимися ушами. – Не видал я леса!

– Ступай-ка ты, паренек, домой, – серьезно сказал Володя. – Так-то лучше будет.

– Нечего тебе делать с нами, – решительно поддержала его Наташа.

– Не берете? – жестко бросил Петька. – Не надо. Пойду один искать Ваську.

Последние слова его окончательно рассеяли сомнения трех друзей. Оставить мальчугана одного в лесу, с буханкой хлеба – нечего было и думать. Но такого не уговоришь вернуться домой. Не вести же его в поселок силой!..

Наташа украдкой переглянулась с Володей. Тот понимающе опустил ресницы и так же коротко посмотрел на Федю.

Не замеченное Петькой безмолвное обсуждение – брать его с собой или не брать – длилось не больше секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.